Шерше ля фарш

Автор:
Елена Логунова

Шерше ля фарш

Елена Ивановна Логунова

Смешные детективы

Казалось бы, начинается спокойная жизнь: Индия Кузнецова наконец-то женила своего любвеобильного брата Казимира, пристроив его в надежные руки лучшей подруги Аллы. Но в первый же день свадебного путешествия новоиспеченный муж пропал! Зная своего братца, Индия мчится в столицу солнечной Грузии и застает там картину маслом. Молодая жена безутешна, полиция ничего не предпринимает, а подозрительные личности так и вьются вокруг двух молодых красавиц. Или они роятся вокруг трехлитровой банки меда, которую попросила Индию перевезти через границу одна весьма предприимчивая особа?

Елена Ивановна Логунова

Шерше ля фарш

© Логунова Е.И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Понедельник

– Родненькие вы мои, я очень высоко вас ценю, – проникновенно молвил шеф.

– Это не к добру, – шепнула мне Трошкина, лицо которой являло маску почтительного внимания.

Я мысленно согласилась с подругой.

В последний раз, когда Бронич заявил, что безмерно ценит гениальный коллектив нашего рекламного агентства, нам всем не выплатили премиальные. Ибо сказано было – безмерно, так как же можно оскорбить гениев оценкой таланта в пошлых денежных знаках?

– Инночка, Аллочка, Жаник. – Шеф добавил в голос душевности, и на моей спине материализовались мурашки.

Точно не к добру!

– Вы наши лучшие сотруднички, и именно вас я бросаю на новый проектик, – возвестил Бронич.

Мурашки на спине выжидательно замерли.

Я подняла руку:

– А можно лично меня бросить в ров с голодными львами?

Из-за журнала, прикрывающего выразительную физиономию нашего дизайнера Жана, донесся нервный смешок.

– Отработаешь проектик – и хоть в ров, хоть в декрет, – великодушно разрешил шеф.

Трошкина издала недоверчивое «Пф-ф-ф».

Она до сих пор не оповестила Бронича о том, что буквально на днях выходит замуж, именно по причине того, что милые женскому слуху слова «свадьба» и

«декрет» шеф считает непристойными синонимами и что эти слова уважающие себя труженицы даже знать не должны. Она даже свадебный отпуск попросить постеснялась.

– Какой проектик-то? – сдался Жаник, опустив журнал.

Мы с Алкой, не сговариваясь, вопросительно наклонили головы набок, точно пара волнистых попугайчиков. Причем синхронность явили такую, какой мог бы похвастаться разве что двуглавый орел.

– Мы успешно выиграли тендерчик на продвижение компании «Сидим-едим», – объявил Бронич и выжидательно замолчал, словно надеясь на бурные аплодисменты.

Ага, сейчас.

– Только через мой труп, – сказала я.

– Только при одном условии, – в то же время произнесла Трошкина.

Шеф сориентировался моментально – игнорировал меня и благожелательно посмотрел на Алку:

– О, так скорее сообщите свое условие, труп! Только учтите, что авансика не будет.

– А бюджетик хоть будет? – спросила я без особой надежды.

«Сидим-едим» – это региональная сеть ресторанов эконом-класса. Уж если там бумажные салфетки на четвертушки режут, могу представить, как покромсают затраты на продвижение.

– Нет бюджетика – нет проектика, – напомнил Бронич одно из золотых правил рекламного бизнеса.

Значит, будем работать не за еду. Уже хорошо.

– Отлично, – кивнула Алка, как правило, более оптимистичная (или просто менее опытная), чем я. – Наше условие – двухнедельный отпуск мне и Кузнецовой.

– А мне? – обиделся Жан.

– И тебе тоже, если ты сможешь работать дистанционно, – расщедрилась Трошкина.

– Если работать, какой же это отпуск? – логично рассудил дизайнер. – Мне тогда лучше новый графический планшет.

– Ему планшет, нам отпуск, и можете продавать нас в рабство рестораторам, – подытожила я и выдвинула подбородок.

Знаю, знаю, в такие моменты я становлюсь похожа на ледокол «Ленин», но кто сказал, что это плохой объект для подражания?

– Но вы обе уже были в отпуске в прошлом годике! – неискренне возмутился Бронич.

Я скосила глаза налево, и там обнаружился ледокол «Трошкина». Правильно, будем выступать единой боевой флотилией.

Если мы с Алкой всерьез упремся, проектик встанет намертво, еще не сделав ни шагу.

– Ладно, так и быть, одна неделька отпуска, – оценив нашу с подружкой суммарную ледокольную мощь, скривился Бронич.

– Две недели! – сурово прогудели боевые ледоколы.

– Хорошо, уговорили, десять деньков отпуска! – Шеф вздохнул и отступил на заранее подготовленные позиции. – Но на связи быть круглосуточно и проектик двигать так, чтобы заказчик плясал от радости!

– Захороводим, – уверенно пообещала я и встала. – Разрешите приступить к хореографическим упражнениям?

– Ты, Кузнецова, нахалка, и когда-нибудь я тебя обязательно уволю, – пообещал Бронич.

Но голос у него был довольный.

Знает ведь, старый лис, что мы и вправду самые лучшие.

– Зайдите к Зарочке Рафаэловне, она конкретизирует задачку. – Этими словами шеф завершил аудиенцию.

Зара Рафаэловна – наш коммерческий директор. В кулуарах мы зовем ее Мелкой Заразой, потому что комдирша наша невелика росточком, даже ниже Трошкиной, стройна, худощава и изящна, как холерная палочка. Ну, и ФИО у нее подходящее.

Как человек, которому тоже не повезло с именем (по паспорту я, страшно вымолвить, Индия), я считаю, что родители коллеги поступили безответственно, назвав ее Зарой при фамилии Заманян. Зара Заманян! Да даже встроенный корректор орфографии в мобильнике норовит сохранить ее контакт как «Зараза Манян»!

Поэтому Зара Рафаэловна требует, чтобы ее называли исключительно по имени-отчеству, хотя это тоже вызывает вопросы. Трошкина, помнится, поначалу все интересовалась, как зовут папу коммерческого директора – Рафаэль, как художника, или Рафаэлло, как конфеты. Оказалось – Рафаил, как архангела. Просто отчество в ЗАГСе с ошибкой записали.

В любом случае, зараза – это сама суть Зары Рафаэловны. Она неотразима и победоносна, как бубонная чума, и точно так же просачивается сквозь любые препоны. Если Зару Рафаэловну выгнать в дверь, она влетит в окно, влезет в печную трубу, проникнет в водозабор или просочится в канализацию – так или иначе найдет способ захватить позиции. Бронич души не чает в нашем ловком и добычливом, как индеец, коммерческом директоре. Образно говоря, она охапками приносит нам скальпы клиентов.

Другое дело, что Зара Рафаэловна крайне мало понимает в рекламных технологиях, а потому большая часть заказов, добытых ею, – это сущий

геморрой для исполнителей. За это коммерческого директора очень не любит наш гениальный коллектив. К счастью, общаемся мы с Заразой эпизодически, потому что она все время куда-то торопится.

– Так, девочки и мальчики, у меня на вас всего одна минута, так что слушайте внимательно!

Зараза дорисовала себе алые уста, поплямкала губами, распределяя по ним колер, швырнула в огромную жесткую торбу «Луи Вьюиттон» помаду и пудреницу, щелкнула замком сумки и встала:

– Я таки урвала для нас сладенький кусочек – заказ от сети «Сидим-едим». Контракт подпишем через неделю, к этому моменту у нас должны быть два крутых фуд-блогера.

– Мы расширяем штат? – напряженно поинтересовался Жан, смахнув с плеча невидимую соринку.

В нашем славном офисе Жаник без устали борется за звание короля красоты. Бороться ему вообще-то не с кем, прочим нашим мужикам не до такой ерунды, но любого новичка ревнивый Жан воспринимает как потенциального конкурента.

– Да фигу вам! Обойдетесь без расширения! – рявкнула Зараза и для наглядности сунула в лицо Жанику скрученную из наманикюренных пальчиков дулю.

– Новый крем для рук? – пошевелив носом, невозмутимо поинтересовался наш король красоты. – Пахнет вкусно! Медом, да?

– Дерьмом вам запахнет, если завалите проект! – пообещала грубая Зараза, сдергивая с вешалки шелковый летний пыльник. – Двух крутых фуд-блогеров нужно срочно вырастить на собственных грядках, и мне плевать, как вы втроем это сделаете!

Она протопала к выходу и удалилась из офиса, воинственно стуча каблуками.

У нашей карликовой Заразы всегда высоченные каблуки, и топает она ими так, словно у нее не две ноги, а все восемь, как у паучихи. Или как будто она ходит на привязанных к ногам табуретках из железного дерева.

Мы с Трошкиной переглянулись.

– Она сказала – втроем, но я не писарчук, значит, расти в крутых фуд-блогеров придется вам, мои крошки! – абсолютно правильно трактовал происходящее наш дизайнер. – Со своей стороны готов обеспечить артподдержку офигенными визуалами, только скажите, что вам нужно.

Он вынул из нагрудного кармашка рубашки маленькую серебряную расческу от Тиффани, одним взмахом придал идеальную форму вздыбленному гребешком чубчику и, насвистывая, удалился в курилку – сражать неземной красотой сотрудниц чужих офисов, потому что у наших дам на него уже выработался стойкий иммунитет.

– Интересно, с чего он взял, что у Заразы новый крем для рук? – пробормотала я, проводив нашего офисного Казанову недобрым взглядом. – Что, Жаник Заразе регулярно лапки целует?

– Да пусть он хоть с ног до головы ее облизывает, нам-то что? – легко отмахнулась святая простота Трошкина, далекая от офисных интриг.

– Ну, здрасьте! – Я хлопнула руками по коленкам.

Неприкрытые короткой юбкой коленки были голые, и шлепок получился неожиданно звучный и сочный, как кряканье молодой кокетливой утки.

На призывный звук из своей темной комнаты выглянул наш видеоинженер Андрюха.

– Изыди! – сурово повелела ему я, и Эндрю, оценив интонацию, послушно развоплотился.

– Трошкина, если у Жаника с Заразой шуры-муры, он же станет пересказывать ей все разговоры коллег, и мы будем вынуждены постоянно выбирать

выражения! – объяснила я наивной подружке.

– Понимаю, как трудно тебе придется, – кивнула Алка.

Она знает мою привычку выдавать на публику экспрессивные монологи в модернистском стиле «поток сознания».

Попросту говоря, если меня обуревают чувства, то я сначала говорю, а уже потом думаю.

А поскольку чувства меня не обуревают преимущественно тогда, когда я очень крепко сплю, рубить правду-матку рука бойца практически никогда не устает.

– Мне другое интересно и важно: какой блогер будет достаточно крут для выполнения поставленной перед нами задачи? – вслух задумалась бывшая отличница и вечная перфекционистка Трошкина. – Боюсь, за неделю мы больше сотни подписчиков набрать не сумеем…

– Надо с Марком посоветоваться, – решила я, одернув на себе блузку, чтобы углубить декольте.

Марк – наш штатный специалист по интернет-продвижению. С искусственным разумом он общается чаще и ближе, чем с живыми людьми женского пола, а потому отказывать красивым девушкам не умеет. Попроси его о чем-нибудь нежным голосом, умильно хлопая ресничками и надувая губки, и Марк расшибется для тебя в CD-диск. А уже если голыми коленками в поле зрения посверкаешь, можешь принимать клятву вечной вассальной зависимости.

Одно удовольствие иметь дело с такими парнями, как Марк!

– Для начала подписчиков мы вам нагоним – попросту купим их, это несложно, – пообещал нам Марк, блестя очками.

Пламенные взгляды солнечными зайчиками запрыгали по моим выпуклостям.

– Но покупные подписчики – это дутый факт, они быстро разбегутся, если на ваших страничках не будет реально классных постов. Так что генерите

гениальный контент, и тогда к вам быстро налипнут уники, – посоветовал интернет-спец.

– Уники – это уникальные посетители, не боты. Уникальные – это значит реальные люди, боты – нереальные, типа вымышленных, – объяснила я Трошкиной, которая прежде брезговала соцсетями.

Она у нас натура тонкая, одухотворенная, тяготеющая к роскоши живого человеческого общения и вечной классике. Она даже книжки электронные не читает, покупает бумажные, хотя они куда дороже.

– А боты при чем? – спросила Алка, когда мы оставили Марка. – Фуд-блогеры – они же на еде специализируются, а не на обуви?

– Трошкина, как же так? Ты такая умная и такая темная! – вздохнула я. – Мне страшно делается при мысли о том, какую стремительную эволюцию придется совершить тебе всего за неделю!

– Ты имеешь в виду нашу с Зямой свадьбу? – Алка трогательно порозовела щечками.

Я посмотрела на нее с жалостью:

– Какую эволюцию ты видишь в превращении свободной самодостаточной женщины в жалкую рабу эгоистичного, самовлюбленного, наглого и беспринципного типа?

– Да, я тоже очень люблю твоего брата, – хмыкнула Трошкина. – Но твоя агрессивная феминистская позиция кажется мне проигрышной. Что у вас с Денисом происходит, кстати говоря?

– Это вовсе не кстати, не переводи стрелки. – Я нахмурилась. – С майором Кулебякиным у нас холодная война и гонка вооружений. Он ищет способы принудить меня к замужеству, я без устали отстреливаюсь… Вернемся к нашим ботам!

– Вернемся, – согласилась подружка.

Она девушка деликатная и понимает, что на больные мозоли лучше лишний раз не наступать.

Отбросив ненужные мысли о личном, мы засели за работу и к вечеру набросали план блиц-крига – стремительной победоносной кампании по превращению Индии Кузнецовой и Аллы Трошкиной в фуд-блогеров-стотысячников.

Мы решили, что для начала заявим о себе в двух популярных соцсетях – в Инстаграме и на Фейсбуке, причем по-сестрински поделим аудиторию. Алка как девушка милая и благонравная станет чинно и благородно писать для старых дев, домохозяек и мамочек с детьми, а я буду культивировать идейно близкий мне имидж продвинутой оторвы.

– Набросаем план постов на ближайшие дни, – предложила я.

И мы набросали.

– О! Это будет бомба! – воодушевился Жаник, получив от меня задание подготовить иллюстрации к моим будущим публикациям «Кофе в постель», «Путь к сердцу мужчины» и «Лучшие перекусы для нудистского пляжа». – Пожалуй, я тоже на тебя подпишусь!

Я подпихнула локтем Трошкину.

Она поморщилась.

Ей, видите ли, казалось, что мои темы слишком вызывающие. Она-то запланировала сенсационные публикации «Любимый завтрак Джен Эйр», «Слоеный торт в микроволновке» и «Секрет морковного сока». По-своему тоже интересно, но с нудистским пляжем, согласитесь, не сравнить.

Набросав план постов, я задумалась, а не пора бы нам как следует подкрепиться, но тут налетело начальство.

– Кузнецова, ты вообще в курсе ЧП с покером?! – Тяжело дыша, в редакторскую сунулся наш режиссер Вениамин, известный также как Веник и Вентилятор.

Прозвища отражают Венин характер: он у нас знатное трепло, великий паникер и неутомимый разносчик слухов.

– Что за ЧП? – поинтересовалась я, в противовес нервозному Венику храня нордическую невозмутимость. – Чемпионат отменили?

– Призовой фонд разворовали? – предположила Трошкина.

В игорной зоне, расположенной в тридцати километрах от нашего города, планировалось проведение международного чемпионата по покеру. Победителю открытого турнира организаторы обещали целый миллион долларов, в связи с чем я, например, очень жалела о том, что мои навыки по части азартных игр не распространяются далее подкидного дурака на раздевание.

– ЧП не с чемпионатом, а с макетом! – взвизгнул Веник. – Это ты дала Никите текстовые блоки для верстки?!

– Ну, я, а в чем проблема? Там тех блоков-то – раз, два и обчелся. – Я пожала плечами. – Название мероприятия, дата и место проведения, всего десяток слов в три строки…

– Но ты сумела превратить их в шедевр! – Веник вывел из-за спины руку с зажатой в ней бумажкой и потряс ею в воздухе. – Кузнецова! Ты издеваешься, да?!

Трошкина присмотрелась к макету, хрюкнула и затряслась от сдерживаемого хохота.

Вместо «чемпионат по покеру» в макете было написано «чемпионат по похеру».

– Что это? Что, я тебя спрашиваю, Кузнецова?! – ярился Веник.

Хотя спрашивал он меня, к эпицентру конфликта живо подтянулись коллеги, всегда охочие до массового веселья в диапазоне от спонтанного мордобоя до хорошо организованной публичной казни. От дружного смеха затрясся фикус в углу.

– Это суровая правда, высказанная с подкупающей прямотой! – утирая слезы бескорыстной радости, объявил видеоинженер Андрюха, он же Эндрю. – Кузнецова режет правду-матку без ножа!

– Это же обыкновенная опечатка! – попыталась защитить меня добрячка Трошкина.

– Это необыкновенная опечатка! – возразил Андрюха. – Это мощный рекламный ход! С такой афишей от участников отбоя не будет!

– Почему это? – Веник сбавил обороты.

– Потому что «похер» – это наш национальный спорт, и на победу в таком чемпионате в нашей стране может претендовать буквально каждый первый! – ответил Андрюха. – Ну, спасибо, Инка, порадовала под занавес трудного рабочего дня!

Я молча взяла ручку, потянулась к стене над столом и аккуратно написала на прикнопленном к обоям листе: «чемпионат по похеру».

Я собираю гениальные опечатки и, надо признаться, моя коллекция быстро пополняется. На листе, приколотом всего месяц назад, уже красовались перлы «могильная связь», «перекись населения», «протыренная тропа», «восточные слабости» и «жульем обеспечим». Последняя фраза родилась в ходе предвыборной кампании нашего мэра и с опечаткой стала гораздо реалистичнее и правдивее.

– Все, Веник, мети дальше, я осознала свою вину и раскаялась, – объявила я паникеру-режиссеру.

– Да, Вениамин, нам нужно работать, не отвлекай нас, пожалуйста, – поддержала меня Алка.

Сердитый Веник удалился, а мы с Алкой продолжили доблестно трудиться на благо нашего рекламного агентства «МБС».

Мы придумали себе прикольные фуд-блогерские ники: Завари Кашу – для меня и Еда БезВреда – для Алки. Завели аккаунты, сочинили про запас с десяток оригинальных хэштегов, почитали посты конкурентов, интересно пишущих про еду, и, нагуляв на виртуальных просторах реальный аппетит, после работы поехали прямиком домой – ужинать.

Живем мы с подружкой в одном доме и даже в одном подъезде, только на разных этажах. Поскольку Алка давно уже проживает одна (набеги Зямы не в счет) и очень заботится о фигуре (идеал которой она подсмотрела в детстве в мультике о Дюймовочке), холодильник в ее квартире исполняет в основном роль доски для объявлений. Алка вешает на него записки-напоминалки, списки покупок, бумажки с разными нужными телефонными номерами и страшные картинки омерзительно толстых баб с подписями типа «Ты точно хочешь жрать после шести?!»

Внутри холодильника что-то интересное бывает редко, хотя для гостей у благовоспитанной Трошкиной всегда есть какая-нибудь изысканная продовольственная заначка. Тонкие до прозрачности крекеры с зернышками и пряностями, сушеные бананы, горький шоколад, яблочные чипсы и тому подобная ерунда, которую можно элегантно поклевать под бокальчик австралийского шираза.

Шираз у Алки есть всегда, потому что она счастливая владелица небольшого хозяйства в Австралии. Хозяйство не винодельческое, а овцеводческое, но это неважно. Управляющий, бесконечно признательный Трошкиной за то, что она тихо сидит в Екатеринодаре и не порывается самолично командовать овцами и овцеводами, регулярно присылает ей в подарок славные австралийские сувениры: шкурки мелких рыжих кенгуру, забавные поделки аборигенов и тот самый шираз, который неизменно спасает Алкину репутацию гостеприимной хозяюшки.

Сегодня, однако, даже самой Трошкиной откровенно хотелось бескомпромиссно жрать, да и время было конкретно после шести, так что мы пошли не к ней, а ко мне.

В фамильном гнезде Кузнецовых на каждый разинутый клювик найдется по сытному червячку!

– Привет честной компании, я Алку привела! – оповестила я родню, едва войдя в прихожую.

– Всем добрый вечер! – сделала чинный книксен благовоспитанная Трошкина.

– Что-то вы, барышни, рано вернулись в родные пенаты, – мимоходом укорила нас бабуля, выруливая из ванной в банном халате, с тюрбаном из махрового полотенца на голове и маской из розовой глины на физиономии. – Гуляли бы, пока молодые да свободные!

– Вот, слышишь? Это не я, это народная мудрость гласит! – сказала я Трошкиной.

– Старость это, а не мудрость, – буркнула она.

– Я все слышу! – крикнула бабуля.

– Вот интересно, как телефонную трубку разрывающуюся снять или дверь открыть по звонку, так она глухая, а как подслушать что-нибудь, не для нее предназначенное, так у нее слух как у гренландского кита, – доверительно поделилась я со смущенной Алкой.

– Я вовсе не толстая! – покричала бабуля, явно вырвав из контекста гренландского кита.

– И поэтому спокойно можешь есть после шести! – покричала я в ответ. – Кстати, что у нас на ужин?

– На ужин будут лабутены, – сообщила мамуля, следуя по коридору из кухни и при этом не отрываясь от вычитки рукописи.

Мы с Алкой молча посторонились, освобождая ей дорогу.

Когда у нашей Баси Кузнецовой горит срок сдачи нового романа, ей лучше не мешать ни в чем. Проклянет, не задумываясь.

– Лабутены? – негромко повторила я.

– Чьи? – встревожилась Трошкина.

За время затянувшегося женихания с Зямой в нашу квартиру перекочевало немало ее личных вещей.

Я хихикнула.

Нет, я в курсе, что в стародавние голодные времена люди варили и ели сапоги, но лабутены? Сколько кожи в тех фирменных лодочках? Такую семью, как наша, точно не накормишь. А если вспомнишь, сколько они стоят, еще и подавишься.

– Алка, не волнуйся, мама запоминает новые слова по ассоциации или по сходству звучания, – успокоила я подружку, с подозрением присматривающуюся к обувнице. – К примеру, ретиноевую мазь она называет рептилоидной, а капли «Лекролин» ассоциирует с французским кроликом.

– Почему?

– Потому что в некоторых аристократических французских фамилиях есть приставка «ле», а еще ударение на последний слог, – объяснила я. – Правда, этот способ не всегда помогает. В последний раз мамуля вместо «Лекролина» потребовала в аптеке капли «Фонзайц», а такого лекарства пока не существует. Хотя название, я считаю, надо запомнить и использовать, оно очень звучное. В помпезном германском стиле.

Мамуля фыркнула.

– Мам, попробуй еще раз, – предложила я. – Что на ужин?

– Ламборджини? – предположила родительница.

– Уже лучше, – кивнула я.

Ламборджини, если с кожаным салоном, на всех хватит. Хотя риск подавиться при мысли о стоимости возрастает многократно.

– Пап, ты что готовишь на ужин? – громко полюбопытствовала я в сторону кухни.

На пороге пищеблока возник папуля, приветливо помахал испачканными мукой ладонями:

– Лобиани!

– Я так и сказала! – крикнула из гостиной мамуля.

Трошкина проводила ее восхищенным взглядом.

Алка искренне считает, что ей невероятно повезло со свекровью. Посмотрим, что она скажет, когда мамуля начнет рассказывать их с Зямой малым деточкам ужастики собственного сочинения.

Сейчас мамулина штатная фокус-группа – завсегдатаи детской песочницы в нашем дворе, и мне сдается, участковый детский врач должен фиксировать повышенное относительно общероссийской нормы количество случаев ночного энуреза у своих маленьких пациентов. Я вот уже взрослая, а мамулины книжки на ночь глядя читать опасаюсь – сомневаюсь в крепости своих нервишек и мочевого пузыря!

Хотя у молодежи в этом смысле организмы, видимо, более выносливые, потому что юные читатели нашу Басю Кузнецову просто обожают. Периодически у нас в подвале или на чердаке собирается фан-клуб, и мамуля в кромешной тьме под возню летучих или пешеходных мышей (смотря где проходит сборище) с листа читает поклонникам очередной шедевр. Для этого у нее даже имеется специальный налобный фонарик из конструктора «Лего», подаренный кем-то из младых фанатов.

А еще она вполне серьезно обсуждает с юными читателями свои творческие планы.

– Уфф, – обмахнулась ладошкой Трошкина, которая в число любителей ужастиков не входит. – Отлегло! Лобиани, а не лабутены! Это хорошо.

– Пожалуй, – осторожно согласилась я.

Вкусовые качества папулиных лобиани были мне пока неизвестны. Может, лабутены не хуже, их я тоже еще не едала.

Папа вышел из кухни, выдал развернутую информацию:

– Лобиани будут грузинские, но по-кузнецовски. Мне показалось, что в классическом варианте лобиани начинка суховата, и я добавил к размятой красной фасоли немного картофельного пюре на молоке и фермерском сливочном масле.

– Отличная идея, – одобрила я, решив, что все названные компоненты вполне съедобны и между собой не конфликтуют.

У папули так бывает далеко не всегда. Он смелый кулинар-изобретатель и в порыве вдохновения иной раз не щадит живота своего, моего и всех прочих членов нашей семьи.

Помню, как-то в начале своего многотрудного творческого пути вместо кубиков зеленого болгарского перца наш кулинар новаторски использовал нарезанное мыло…

Нет, об этом лучше не вспоминать. Хотя лично я тогда буквально за сутки сбросила три с половиной кило и влезла в джинсы, которые носила в выпускном классе.

– Через десять минут убедительно прошу всех к столу! – громко, чтобы слышно было на всю квартиру, объявил папуля, и я услышала металлический скрежет.

Это бабуля в своей светелке завела допотопный механический будильник, чтобы не опоздать к ужину.

Папуля этого очень не одобряет. Он у нас бывший военный – танкист и командир полка, и дисциплину считает краеугольным камнем мироздания. А бабушке не нравится, когда за опоздание к трапезе на нее орут бронебойным голосом: «Два наряда вне очереди и пятьдесят отжиманий!»

Тем более что бабуля бывший педагог и сама умеет орать будь здоров. Гораздо лучше, чем отжиматься.

Мы, Кузнецовы, вообще все на диво горластые, даже не знаю, как у нас приживется тихоня Трошкина. Боюсь, она будет скользить вдоль стеночки боязливым призраком, вдохновляя мамулю на сочинение новых кошмарных романов.

Будильник, трезвон которого можно было услышать даже в ближнем космосе сквозь усиленную обшивку орбитальной станции и гермошлем скафандра, не подвел, и к ужину вся женская часть семейства явилась без опозданий.

Папуля довольно оглядел нас, выжидательно сглатывающих слюнки, и тоже сел за стол, объявив:

– Зяму ждать не будем, он предупредил, что задержится.

Я покосилась на Трошкину, ненавязчиво интересуясь ее реакцией.

Если бы я узнавала о планах жениха на вечер от других людей, пусть даже будущих родственников, он очень быстро вылетел бы из основного состава моих кавалеров. Да он бы и на скамейке запасных не задержался – просквозил бы навылет из моей бальной книжечки!

Но Алла кротко кивнула:

– Да, да, я знаю, Зямочка очень торопится до отъезда закончить срочный заказ.

Я посмотрела на бабулю (она у нас старая феминистка и заядлая правдорубка), бабуля скривилась и приоткрыла рот.

– Бабуль, тебе, наверное, новая вставная челюсть натирает? – упреждая ненужные откровения, спросила я с нажимом. – Тебе, должно быть, кушать больно, да?

– Да, мне очень больно, – вздохнула бабуля и с жалостью посмотрела на Трошкину.

Оставшуюся недосказанной полную фразу «Мне очень больно это видеть» угадали только я и мамуля.

Наш Зяма – жуткий бабник, и Трошкина – его единственное за всю сознательную жизнь серьезное увлечение. Серьезное оно настолько, что Зяма даже решился жениться, потому что после пары лет неузаконенных отношений Алка заявила, что не позволит и далее ее использовать. Ей, мол, нужны определенность и уверенность в крепости уз. Причем обязательным условием заключения брака была поставлена нерушимая моногамность, пока смерть не разлучит их с Зямой. Влюбленный братец со всем согласился и все порочащие его связи пресек, но, зная Казимира нашего Борисовича, я боялась, что он сорвется.

Казимир Кузнецов – красавец мужчина, прирожденный соблазнитель и известный в городе интерьер-дизайнер. А дорогие интерьеры – они, заразы, богаты всякими там диванами, банкетками и козетками, провоцирующими на моральное падение!

Так что самоотверженный труд по завершению нового важного заказа вполне мог оказаться экспрессивным парным танцем в горизонтальной плоскости.

Впрочем, вовсе не в наших интересах было наводить на эту разрушительную мысль простодушную Трошкину. Как новый член семьи она всех более чем устраивала: мы с Алкой с самых яслей шли по жизни рука об руку и практически сроднились.

– Да, совсем непросто приходится супругам гениев, – дипломатично сказала мамуля.

– Тебе так трудно со мной, дорогая? – удивился папуля.

– Вообще-то, я хотела привести в пример тебя. – Мамуля акцентировала местоимение.

Я закатила глаза.

Гениев в нашем семействе – почти как градусов в чистом спирте! Одна бабуля на лавровый венок не претендует. Уже. Лет двадцать назад мы от нее регулярно

слышали: «Я заслуженный учитель России, выдающийся педагог и ученый, нишкните, смертные!»

– Супруги гениев должны быть чуткими, понимающими, умеющими вовремя отступить в тень, – продолжила мысль мамуля.

Вышеупомянутая тень широким грозовым фронтом набежала на лицо папули.

Он, конечно, чуткий и понимающий, но отступать куда-либо по военной привычке не любит, а еще чудовищно ревнив, что, по мамулиному неоднократно озвученному мнению, совершенно не подходит супругу гения.

– Очень вкусные пирожки, папульчик! – сказала я громко, умышленно меняя тему.

– Да, лобиани удались! – поддакнула Алка.

– Но перца многовато, – слегка критикнула бабуля.

– В следующий раз я попробую добавить в начинку мягкий творожок и, пожалуй, вовсе откажусь от красного перца, использую только черный, – пообещал папуля.

Он сел на своего любимого конька, и далее ужин проходил спокойно, без эксцессов.

Потом мы с Алкой пошли к ней – пить шираз, секретничать и примерять платья.

Жених с невестой решили обойтись без пафосной свадьбы, запланировав только тихую регистрацию в ЗАГСе, а сразу после нее – отбытие в аэропорт и далее – в свадебное путешествие. Неброское, но исключительно элегантное белое платье для себя и точно такое же, только жемчужно-серое, для меня Трошкина шила сама – она умеет.

Мне чрезвычайно нравилось то, что у нее получалось: наряды наши выглядели очень достойно благодаря отменному качеству шелка и безупречности линий.

Прически под них планировались тоже простые и элегантные: аккуратный узел на затылке у меня и такой же узел плюс мелкие живые розы в нем – у Алки. А вот обуть подруге предстояло белые шпильки, а мне, чтобы не нависать над невестой, балетки на плоской подошве. Негоже было бы в такой день возвышаться над мелкорослой Алкой, как корабельная сосна над речной ивушкой! Визуально доминировать в нашей группе должны были жених и его дружок, оба ростом за сто девяносто.

Милые девичьи посиделки прервал Зяма, по-свойски вломившийся в квартиру со словами:

– Алка, я вернулся, ты рада?

Алка безусловно была рада, так что мне пришлось ретироваться – не смотреть же, как они целуются и обжимаются.

К тому же я просто не могла слышать, как Трошкина называет Зяму «мой пупсик».

Во-первых, из них двоих миленькая маленькая куколка – это сама Алка.

Во-вторых, почти двухметровый накачанный Зяма с сокрушительным обаянием матерого суккуба – и чей-то там пупсик?! Обхохочешься.

Я оставила парочку без помех и зрителей наслаждаться обществом друг друга, но Зямино представление о полноценном наслаждении включало также плотный ужин, поэтому очень скоро братец прибежал домой и прямо с порога поинтересовался:

– Чем сегодня кормят?

– На выбор – лабутены, ламборджини, лобиани, – сообщила я, выходя из своей комнаты.

– Мне всего и побольше.

Зяма сначала потер руки, потом помыл их, потом запустил в тазик с пирогами:

– Умммм! Это что-то грузинское? Тематический ужин?

Я кивнула.

В свадебное путешествие молодожены собрались в Тбилиси. Папуля заранее начал заботливо адаптировать их к местной кухне.

– Ха хафи? – спросил братец с набитым ртом.

«А запить?» – перевела я.

Налив прожоре мацони, я решила, что хватит за ним ухаживать, как будто я закрепощенная женщина Кавказа, и ушла к себе, но в одиночестве не осталась, потому что ко мне явилась мамуля.

– Дюша, дочь моя, умеешь ли ты хранить секреты? – интригующе спросила она.

– Смотря какие, – молвила я уклончиво, но честно.

В самом деле, если враги будут пытать меня, требуя выдать им тайну фотосинтеза или закон Ома, они от меня точно ничего не добьются. А вот если один хороший человек попросит поделиться подробностями личной жизни другого хорошего человека…

Мамуля, видимо, прочитала ответ на моем лице, потому что развернулась к двери.

– Да говори уже, не темни, – вздохнула я, отложив планшет. – Если бы я хотела тебя предать, то могла бы прямо сейчас пойти к папуле и сказать ему: «Пап, а у мамы завелся какой-то секрет». И все, иметь тебе дело с военной разведкой.

– Вот ведь умеешь ты мастерски обрисовать перспективы, – поморщилась мамуля. – Даже странно, что при таком таланте ты не стала художником-маринистом!

– А почему я им не стала, ты забыла? – прищурилась злопамятная я. – Кто отругал трехлетнюю Дюшеньку за то, что она немножечко порисовала на стене маминими тенями для глаз в сине-зеленой гамме?

– Так это же были настоящие французские тени, мне привезли их из самого Парижа! – возмутилась мамуля. – Вот если бы я сейчас использовала для подобного настенного творчества твою дорогую косметику, ты бы меня разве не отругала?

– Не-а, – ответила я и похлопала по дивану, приглашая родительницу присесть. – Я бы разговаривала с тобой особенно ласково… вплоть до самого приезда психиатра.

– Возможно, именно психиатр тут и нужен, – уныло согласилась мамуля, присаживаясь. – Знаешь, у меня появилось пугающее подозрение, будто я схожу с ума…

– Да ладно? С чего бы? Ты всего-то с полсотни романов про нечисть и нежить написала! Разве это можно считать серьезным испытанием для рассудка? – съехидничала я.

– Думаешь, пора сменить жанр? – задумалась писательница.

– А за него будут платить так же хорошо, как за ужастики? – спросила я, отнюдь не желая подорвать благосостояние семьи.

– Возможно, если это будут эротические романы. – В мамулином голосе прорезалась мечтательность.

– Не годится. – Я помотала головой. – Для эротических романов у тебя ярких личных впечатлений не наберется, и супруг гения не позволит радикально пополнить опыт. Скажи сначала, что не так с ужастиками, а потом подумаем, надо ли тебе менять жанр.

– Меня преследует Темный Повелитель, – призналась мамуля с явным смущением и, как мне показалось, с толикой гордости.

Конечно, Темный Повелитель – это вам не червяк дождевой, это звучит гордо.

– Кто-о? – Я чуть преувеличенно удивилась.

Пусть мамуля порадуется, что произвела впечатление на публику. Писателям это полезно.

– Темный Повелитель, – повторила она. – Так он себя называет, а я понятия не имею, кто это такой.

– Король Свазиленда? – предположила я.

– Кто-о?!

– Мсвати Третий, король карликового африканского государства Свазиленд, – объяснила я.

– Не знаю такого, – призналась мамуля, не уточнив, не знает она лично короля или все его государство. – А почему именно он?

– Потому что идеально подходит под определение «Темный Повелитель». – Я пожала плечами. – И к тому же он как раз сейчас находится в России с официальным визитом, я видела новость об этом в Сети.

– И давно он приехал? – заинтересовалась мамуля.

– Вчера.

– Нет, тогда это другой Темный Повелитель, – с сожалением сказала она. – Мой меня уже вторую неделю преследует.

Я нахмурилась.

В том, как родительница назвала неведомого Темного Поведителя «мой», была уже некая интимность. И это при том, что у нее есть законный повелитель, он же муж, он же наш папуля, он же новое воплощение легендарного ревнивца

Отелло!

– Вот, кстати, может, это Мавр Венецианский? – Я выдвинула новую версию. – Чем тебе не Темный Повелитель? Давай, рассказывай, как именно он тебя преследует?

– Он подбрасывает мне записки и конфетки, – порозовела мамуля.

– Не ешь их, козленочком станешь, – машинально посоветовала я. – В смысле – подбрасывает? Как? Аж на восьмой этаж?!

– Тебе смешно, а я нервничаю, – пристыдила меня мамуля. – Я то и дело нахожу записки и конфетки то в кармане, то в сумке.

– Зная, что творится у тебя в сумке, полагаю, находишь ты их с запозданием, – предположила я. – Даты в записках есть?

– Нет. Только очень короткий текст и подпись: Темный Повелитель. То есть поначалу подпись была именно такая, а потом сократилась до двух заглавных букв: ТП.

– То есть вы перешли на тот уровень, когда можно общаться запросто, без церемоний. – Я снова не удержалась и съехидничала. – А что пишет-то тебе друг Тэ Пэ?

– Чушь какую-то. – Мамуля выразительно продекламировала с приготовленного листочка. – «Уже скоро. Темный Повелитель». «Жди и верь. Темный Повелитель». И дальше уже как Тэ Пэ: «Все будет хорошо», «Все в восторге от тебя», «Мы идем к вам».

– По-моему, твой Тэ Пэ слишком много смотрит телевизор, это очень похоже на обрывки рекламных слоганов, – отметила я. – А сами записки ты разве не сохранила?

– Только последнюю.

Мамуля протянула мне полоску обычной писчей бумаги, какой пользуются во всех конторах мира:

– Я обнаружила ее за лентой на шляпе, когда вернулась сегодня с утренней прогулки.

– Какой именно шляпы? Той, соломенной, из Венеции? – зачем-то уточнила я и развернула бумажку. – Хм, «Мечты сбываются. ТП»… Слушай, тогда это Газпром!

– Почему Газпром, где логика?

– Или Лукойл. Главная нефтяная компания страны – чем не Темный Повелитель? Нефть – это же черное золото.

– Где я, а где нефть? – Мамуля разозлилась. – Не имею никакого отношения ни к ней, ни к золоту!

– А жаль, – заметила я, изучая записку. – Несерьезно это как-то, Темный Повелитель, а печатает послание на компьютере. Нет бы начертать роковые слова собственноручно, гусиным пером, красивыми готическими буковками…

– Кровью! – поддакнула мамуля, сделав большие глаза и тут же уменьшив их до нормы. – Нет, кровью не надо, это было бы страшно.

– Знаешь, по-моему, это какой-то безобидный розыгрыш, – рассудила я. – Тебе ведь не угрожают, ничего от тебя не хотят…

– Кроме того, чтобы я ждала и верила, – напомнила мамуля, у которой профессиональная память на тексты.

– Но ожидания не уточняют и вероисповедание не навязывают. – Я вернула ей записку. – А что с конфетами, они не могут быть ниточкой, за которую можно потянуть?

– Как можно потянуть за обычную рафаэлку? Конфеты я то в кармане, то в сумке нахожу, в шляпе вот сегодня ничего такого не было, – сообщила родительница, не утаив сожаления.

Конфеты она любит, тут Темный Повелитель не прогадал.

Но я сказала о другом:

– То есть не факт, что записки и конфеты подбрасывает один и тот же Повелитель. Записки могут быть от Темного, а рафаэлки от какого-нибудь Светлого!

– Не так уж много в наших краях Повелителей, и я далека от мысли, что все они заинтересованы во мне. – Мамуля поскромничала, но было видно, что версия о массовом поклонении Басе Кузнецовой повелителей всех возможных окрасов ей льстит.

– Короче, не думаю, что тебе стоит волноваться, но на всякий случай поговорю с Денисом, – пообещала я.

– Отличная мысль! – одобрила мамуля.

Еще бы! У меня появился повод для встречи с любимым.

Денис Кулебякин – опытный опер, отличный парень и мой сердечный друг. К сожалению, в последнее время, явно завидуя грядущим переменам в жизни Зямы и Алки, он стал слишком давить на меня, склоняя к замужеству, и это здорово испортило наши отношения. Ныне Кулебякин на меня обижается, я не готова мириться с ним ценой полной потери свободы, и в итоге мы бегаем друг от друга, обоюдно страдая.

Спасибо мамуле, теперь я могла пойти к Денису, не теряя гордости.

Идти было недалеко – всего-то на один этаж подняться, а собралась я быстро и уже через четверть часа давила пальчиком с безупречным маникюром на кнопочку звонка у двери квартиры любимого.

Трели звонка заглушил заливистый собачий лай: в одной квартире с Денисом проживает бассет-хаунд Барклай – милейшее и добрейшее существо, не чета хозяину.

– Барклашка, миленький, я тоже страшно соскучилась! – радостно покричала я, умышленно не уточнив, по кому именно из обитателей квартиры скучала, в надежде, что Кулебякин примет сказанное на свой счет и распахнет мне а) дверь и б) объятия.

Как бы не так!

– Индия?

О, как чопорно! Кажется, даже через замочную скважину ощутимо потянуло холодком.

– Денис, открой, пожалуйста, есть важный разговор, – попросила я, сменив тон на столь же прохладно вежливый.

– Конечно.

Против ожидания, дверь не распахнулась моментально, мне пришлось пару минут подождать.

В глубине души я надеялась, что любимый метнулся в душ и вернется ко мне с мокрыми волосами, с капельками, стекающими по мускулистой груди и рельефным кубикам живота, босиком и в каком-нибудь несерьезном одеянии вроде полотенца на бедрах или ветхих джинсов с расстегнутой верхней пуговицей.

Зря размечталась.

Кулебякин замер в дверном проеме, как английский лорд на парадном портрете в полный рост: в брюках со стрелками и белой рубашке. С запонками!

– А где же галстук-бабочка? – язвительно полюбопытствовала я, без приглашения протискиваясь мимо сиятельной особы в прихожую.

Уже из гостиной поинтересовалась:

– Вы позволите даме присесть? – и бухнулась в протестующе скрипнувшее кресло.

Бросившийся обнимать и лобызать меня Барклай всем своим видом и поведением дал понять, что мне тут позволено все, что угодно.

К сожалению, хозяин славного бассета не был столь же гостеприимен и любезен.

Опустившись в кресло по другую сторону стеклянного журнального столика, Кулебякин вопросил:

– Чем обязан?

Враз захотелось ответить: «Жизнью!» – и без промедления дать ему по башке увесистой стеклянной вазой.

А потом заботливо полить рану йодом, туго-натуго перевязать и таким образом спасти от смерти, чтобы слово не разошлось с делом.

Но я же тоже обучена хорошим манерам. Не зря у меня бабушка заслуженный учитель и выдающийся педагог.

– Госпоже Варваре Кузнецовой – это моя матушка и известная писательница, вы с ней знакомы, очень нужен ваш совет по одному важному и деликатному вопросу, – светски молвила я. – Не будете ли вы столь любезны и не соблаговолите ли посетить нашу фамильную резиденцию для приватной встречи и беседы с означенной госпожой? Конечно, в удобное для Вашей Светлости время…

– Инка, прекрати!

Их Светлось бухнули по подлокотнику кресла внушительным кулаком и нахмурили чело:

– Зачем этот спектакль?

– Действительно, зачем?

Я передернула плечами, порывисто встала и целеустремленно зашагала в прихожую.

Не дошла: Их Светлость изволили цапнуть меня за руку и удержать на пороге.

– Инна, – сурово рек лорд Кулебякин, едва не завязав шнурки бровей аксельбантами. – Так больше продолжаться не может. Я не хочу, чтобы меня цинично использовали и категорически требую без промедления узаконить наши отношения.

Я моргнула.

Блин, он у Трошкиной списал слова?!

– Впредь никакой, ты слышишь? Никакой близости без печати о браке в паспорте! – заявил этот гад, тиран, деспот и противосексуальный маньяк, отпуская мою руку.

– Ты сам так решил, Кулебякин, так что не жалуйся! – оскалилась я так, как не умеет Барклай.

И поскакала вниз по лестнице.

А что мне оставалось?

Война так война!

И посмотрим, кто первым не выдержит целибата!

Мимо двери нашей квартиры я просквозила, даже не притормозив: в таком настроении идти домой означало развязать военный конфликт. Любящий папа непременно встанет на мою защиту, а бронетанковый полковник на пенсии против действующего майора полиции с усилением в виде внеслужебной собаки

– это такой неопределенный расклад, при котором я даже не знаю, на кого ставить.

Недолго думая, я пошла к Трошкиной, и, сердито грохоча вниз по лестнице, между седьмым и шестым этажами напоролась на засаду.

Что-то тренькнуло, и пластмассовая стрела с присоской запуталась в моих волосах.

– Вашу мать! – громко и с чувством произнесла я прежде, чем увидела, кто именно меня атаковал.

Один волшебник в дождевике со звездами, один эльф в зеленом трико и два хоббита в меховых тапках.

– Отставить! Не стрелять! – крикнул миниатюрный клон Гэндальфа, гневно потрясая накладной бородой и волшебной палочкой с лампочкой на конце. – Разве не видите, что это эльфийская принцесса!

– А топала, как войско орков, – опуская лук, проворчал карликовый эльф.

– Классные уши, – ехидно отметила я. – Пластилин?

– Марципан, – неохотно ответил эльф.

– То есть для орков ты будешь по-настоящему сладеньким, – хихикнула я.

Эта была нехорошая шутка, но я еще не извинила ушастого за стрелу, застрявшую в моих локонах.

– Я прощу тебе эту дерзость только ради твоей матери-королевы, – буркнул заносчивый эльф.

Юные ролевики явно были из числа поклонников творчества не только Толкина, но и Баси Кузнецовой, и я решила быть с ними подобрее. Негоже обижать людей, исправно раскручивающих родителей на покупку книжек, за которые мамуля получает неплохие гонорары.

– Проходи, принцесса, проходи, – распорядился волшебник. – Не стой на поле боя.

– А с кем бой? – Я огляделась.

– С темной стороной силы, – ответил мини-Гэндальф.

– То есть вы еще и от «Звездных войн» фанатеете, – поняла я. – Серьезный замес! А как именно темная сторона силы успела проявить себя в нашем подъезде?

– Тебе не нужно это знать, женщина, – скривился хамоватый эльф.

– Эльфийская принцесса! – Я подняла пальчик.

Заодно выковыряла из прически стилистически чуждую стрелу.

– Мы штурмуем башню Саурона, – любезно объяснил волшебник.

– О! Тогда вам точно на верхний этаж! Саурон как раз дома, я только что от него! Штурмуйте его башню безжалостно, вплоть до ее полного сноса!

Злорадно улыбаясь при мысли о том, какое шоу ждет злодея Кулебякина, я раскланялась с фэнтезийными штурмовиками и потопала к Алке.

– Что случилось? – Едва взглянув на меня, подруга поняла, что дело неладно.

– Я была у Дениса.

Я плашмя рухнула на диван.

– И?

Вместо ответа я яростно побила подушку, потом положила ее себе на лицо и замерла в тщетной надежде на быстрое самоудушение.

Подушка не приглушила тяжкий вздох, который издала сердобольная Алка. Потом проскрипели дверцы комода.

Я сдвинула в сторону подушку, чтобы посмотреть.

Старый бабушкин комод – Алкин аналог сейфа. Она хранит в нем разные жутко важные вещи вроде гербария, собранного в третьем классе, полного собрания своих девичьих дневников и незаконченного портрета любимого, выполненного в технике вышивки «крестик» разноцветным мулине по суровой холстине. Любимый у Алки, если кто не понял, один – это Зяма, но портрет ее отчаянно компрометирует. Чудище на нем похоже на самого кошмарного из всех голливудских инопланетян-гуманоидов. Если бы наша общая с братцем мама (заметим – закаленный автор ужастиков!) увидела это произведение вышивально-изобразительного искусства, она нипочем не признала бы родного сына. А если бы портрет увидел сам Зяма, он бы смертельно обиделся. Именно поэтому, я думаю, Трошкина прячет незаконченный шедевр в глубинах комода.

– Вот. – Рядом со мной шлепнулось что-то легкое. – Неплохие, по-моему, альтернативные варианты.

Я сбросила подушку и села. Алка развернула глянцевый журнал.

– Ты это не сдала в макулатуру? – удивилась я.

Тут надо сказать, что Трошкину время от времени накрывает одна, но пламенная страсть к какой-нибудь чуши вроде сыроедения, самодельной косметики или нейро-лингвистического программирования. В такие периоды Алка делается горячим поклонником и яростным пропагандистом того учения, в которое беззаветно уверовала, но рано или поздно блажь проходит, Трошкина развенчивает кумиров, разбивает божков и тащит на помойку все атрибуты отринутого культа. В прошлом году она вот так повелась на практическую психологию и с полгода скупала все дамские журналы с дурацкими тестами и небезвредными советами. Потом это прошло, и я была уверена, что журналы стройными стопками ушли в пункт приема вторсырья и благополучно превратились в общественно полезную туалетную бумагу.

– Этот журнал я сохранила, – сказала Алка. – Как знала, что еще понадобится!

– Ладно, что тут?

– Кто, – поправила подружка. – Это топ-5 самых желанных холостяков в мире. Они все долларовые миллиардеры моложе тридцати пяти лет. Смотри, вот это Скотт Дункан из Техаса. Тридцать два года, американский предприниматель, владеющий состоянием в пять с половиной миллиардов долларов. По-моему, ничего так, а?

– С ума сошла? Русская женщина не может выйти за мужика по имени Скотт! Как я его буду звать ласково – Скотик мой?!

– Да, это неловко. – Алка не стала спорить. – Тогда вот этот – Томас Перссон, тридцатилетний шведский бизнесмен, состояние которого оценивается в два миллиарда восемьсот миллионов долларов. Владелец бренда H&M.

– Терпеть не могу эту марку, – скривилась я.

– Тогда третий номер: Эван Томас Шпигель, двадцать четыре года, один и семь десятых миллиарда баксов. Между прочим, паренек является разработчиком приложения Snapchat.

– У-у-у, ботан!

– Тогда этот вот – Карл Эрик Хаген. Двадцать семь лет, состояние такое же, как у отвергнутого тобой ботана, но этот явно горячий скандинавский парень, смотри, какая у него порочная улыбочка.

– Он толстый и похож на пьяного Карлсона!

– А чем плох Карлсон?

– Я повторяю: он толстый!

– И вовсе незачем было так орать. – Подружка выбила из уха мою горловую руладу. – Все, остался только один кандидат, зато какой! Ему тридцать один год, он не толстый, не ботан – известный раллийный гонщик, немецкий аристократ, состояние – полтора миллиарда долларов, и имя максимально не скотское, тут ты точно не сможешь быть в претензии. Готова?

– Ну?

– Принц Альберт Второй Мария Ламораль Мигель Йоханнес Габриэль фон Турн-унд-Таксис!

Я действительно заинтересовалась:

– Ты это сейчас по бумажке прочитала или заранее выучила наизусть?

– Выучила! И тебе советую выучить!

– Зачем?

– А вот представь: сидим мы в офисе с девочками, обсуждаем мужиков, и тут вдруг кто-то задает тебе неловкий вопрос о твоей личной жизни. И что? Ты краснеешь, бледнеешь и признаешься, что трагически одинока? Нет! – Алка развернула плечики и улыбнулась, как Одри Хепберн. – Ты говоришь: «Ах, у меня такие высокие стандарты… Мой идеал – принц Альберт Второй Мария Ламораль Мигель Йоханнес Габриэль фон Турн-унд-Таксис!» И все такие – бряк отпавшими челюстями о столы!

– Картинка маргарином, – согласилась я, начиная хихикать.

Потом нас обеих прорвало, мы хохотали и катались по дивану, держась за животики. Мне стало легче и значительно веселей.

Уходя к себе, я забрала у Алки журнальчик и перед сном заучила затейливое имечко немецкого принца как скороговорку.

Вдруг и вправду пригодится.

Вторник

Новый рабочий день в славном агентстве «МБС» начался с небольшой сенсации. Стараниями секретарши Ниночки утренний кофе, до основательной заправки которым наш офисный механизм не заводится, был приправлен пикантным слухом.

Накануне вечером красотка Ниночка, романтически ужиная в ресторане с очередным поклонником, наблюдала в аналогичной диспозиции Зару Рафаэловну!

Поверить в это было трудно, ибо все давно убедились, что вечная любовь и истинная страсть Заразы – это деньги, и эротичному процессу их обретения она предается двадцать четыре часа в сутки.

Публика, собравшаяся у кофеварки, взволновалась.

Чего ждать от коммерческого директора, закрутившего роман, никто не понимал, но сам факт казался противоестественным и даже общественно опасным.

Кто будет приносить нам денежные заказы, если Зара Рафаэловна с головой нырнет в любовь? В плане бизнеса это жутко деструктивное чувство! Созидательны амурные истории разве что для художников и скульпторов, которые в паузах между интимными актами хватаются за кисти и резцы, запечатлевая томных полураздетых возлюбленных на зависть потомкам.

– Ты, Мордвинова, снова что-то не так поняла, – упрекнул секретаршу Веник, огорченный как открывающимися перспективами, так и тем, что на сей раз не он распространил любопытную сплетню. – Наверняка это была деловая встреча, а вовсе никакое не свидание.

– Веня, а ты ходишь на деловые свидания с декольте до пупа? – огрызнулась оскорбленная Ниночка.

Режиссер покраснел и проворно слинял в задние ряды. Коллеги проводили его заинтересованными взглядами и снова уставились на секретаршу, ожидая подробностей.

– Они держались за руки, и мужчина глядел на Заразу с такой тоской и нежностью! – Ниночка закатила глаза.

– А что за мужчина-то? – спросила наша бухгалтерша Дарья Петровна – женщина основательная, как бульдозер.

Наших офисных джентльменов, за исключением только Бронича, она мужчинами не считает, презрительно называя их всех «эти шкеты».

– Внушительный мужчина. – Ниночка руками обрисовала в воздухе нечто вроде ионической колонны – такой, знаете, с крупными завитками сверху.

– Кудрявый? – уточнила я.

Секретарша кивнула.

– Жаль кудрявого, – закручинилась Дарья Петровна, горестно хлюпнула кофейком и ушла.

Ни у кого не было сомнений в том, что любовь безымянного кудрявого с нашей Заразой будет недолгой, но до гроба. Как у богомолов в живой природе, где самка откусывает голову партнеру сразу после спаривания.

В задумчивости офисные труженики привычно рассредоточились по линии трудового фронта, и вскоре рабочий день рекламщиков понесся, как обычно, бешеным галопом, с хрипами и ржанием.

К нам с Трошкиной примчался Веник.

С разбегу уточнил неуважительно:

– Это вы у нас теперь писатели про где пожрать?

– Мы у нас фуд-блогеры, – ответила я нарочито неэмоционально, но при этом напоказ взвешивая в руке увесистое пресс-папье. – А тебе-то что?

– А то, что нужно срочно придумать слоган для рекламной акции кафе «Волшебный Сад». – Веник швырнул мне на стол листовку. – Суть акции в том, что каждый, кто закажет в этом кафе целую пиццу, получит в подарок кувшин домашнего лимонада. Сочините-ка что-нибудь быстренько, это малобюджетный заказ с оплатой максимум часа работы креативного сотрудника.

– Да запросто!

Я встала, высоко подняла голову, выдвинула вперед правую ногу, взмахнула дланью и сходу выдала в подражание Маяковскому:

Все – в кафе «Волшебный сад»!

Там бесплатный лимонад!

Лимонад и пицца –

Наесться и напиться!

Трошкина зааплодировала.

– Супер! – восхитился Веник. – Запиши это и пришли мне по мейлу, я согласую с клиентом.

– А где спасибо? – покричала я вслед ему, уже убегающему. – Где номинация на премию за вдохновенный и доблестный труд? Вот так всегда! Ах, как же я устала от этой бессовестной эксплуатации человека начальством!

– Вспомни о том, что у нас скоро отпуск, и тебе станет легче, – посоветовала Алка.

– Отпуск! – Я мечтательно зажмурилась. – Маленький, но гордый! Дикий, но симпатичный! Тихий, тихий, но мощный! Вот то, в ожидании чего можно претерпеть все муки каторжного труда!

– Темным маркером жирно замазывать в конце дня очередной квадратик на календаре – вот творческий экстаз, какого не познал Малевич! – подхватила подружка и тут же, опережая события, с энтузиазмом зачернила на перекидном календаре сегодняшний день. – Круче было бы разве что развесить в линию над рабочим столом воздушные шары и в восемнадцать ноль-ноль с жизнеутверждающим грохотом делать «минус один» метким выстрелом из мушкета!

– Миль пардон, нет ли у кого свободного мушкета, господа? – покричала я коллегам, встав со стула и перегнувшись через стол. – Мы вернем буквально через пару дней!

Недовольный ропот, раздавшийся в ответ, означал «нет у нас никакого мушкета, а у вас – совести».

Мы с Трошкиной переглянулись и, вскинув руки, стукнулись ладонями.

Мысль о скором отпуске исправно поддерживала тружениц всю первую половину дня, а потом позвонил Макс Смеловский и позвал меня на винную дегустацию.

– Вместо обеда? – умеренно удивилась я.

На обеды, ужины и даже завтраки Смеловский приглашает меня регулярно и, как правило, безрезультатно. То есть поесть с ним (и за его счет) чего-нибудь вкусненького в приличном общепите я всегда «за», но без продолжения в уединении Максимкиной холостяцкой квартиры. Наши отношения остаются сугубо дружескими уже больше десяти лет, и я не вижу причины рушить эту стабильность.

– Нет, натощак на такое мероприятие идти нельзя, – рассудил Максим, и я угадала невысказанное «а то ты напьешься, и мне тебя, кобылицу, тащить», – так что ты все-таки пообедай, а потом я заеду за тобой в офис, и мы отправимся на дегустацию.

– А можно и мне с вами? – шепотом попросила Трошкина.

Она сидела рядом со мной и прекрасно слышала Макса: мощно рокочущий голос профессионального диктора пер из трубки, как весенний медведь из берлоги.

– Можно, – кивнула я Алке и предупредила Макса: – Только учти, что с нами пойдет Трошкина.

– Как дуэнья! – подавшись к трубке, уточнила обрадованная Алка. – Буду хранить девичью честь нетрезвой Кузнецовой!

– Ну-ну, – хмыкнул Смеловский. – Так я заеду после двух.

– А почему так рано? – спохватилась я. – Что это за винная дегустация – в три часа пополудни?

– А это специальная винная дегустация для представителей СМИ в ресторане «У озера», – объяснил Макс. – Будут только журналисты, блогеры и удачно примазавшиеся к ним.

– О! – пуще прежнего обрадовалась удачно примазавшаяся Алка. – А мы как раз тоже теперь фуд-блогеры!

– Под этим предлогом и отпросимся у Бронича! – смекнула я и побежала к шефу.

В приемной густо и контрастно пахло солянкой и малиновым компотом – Бронич трапезничал. Разнообразно полезная Ниночка притаранила ему из соседнего ресторанчика харчи в судочках и обустроила кормушку на столе для совещаний.

– Так вот откуда у меня сухие хлебные крошки на локтях кашемирового пиджака! – прозрела я, заглянув в щелочку, которую секретарша оставила для лучшей слышимости.

Начальственная трапеза сопровождалась звуками, позволяющими отслеживать основные этапы процесса. Сладострастное компотное бульканье, к примеру, означало близость финиша.

– Подожди еще секундочку, – попросила меня Ниночка, чутко прислушиваясь. – Вот, сейчас!

Пустой стакан со стуком опустился на столешницу, проскрежетали по паркету ножки отодвигаемого стула. Ниночка с пустым подносом и махровой тряпочкой на сгибе локтя побежала убирать со стола. Я пропустила ее вперед и тоже вошла в кабинет, обойдя обеденно-совещательный стол с другой стороны.

Шеф уже сдернул с груди салфетку, но еще не убрал ее с глаз долой и с белой тряпицей в руке выглядел как переодетая толстым дядькой Василиса Прекрасная, вышедшая растрясти жирок послеобеденной пляской. А я вроде как помешала этой оздоровительной хореографии.

– Чего тебе, Инночка? – без восторга и даже с подозрением осведомился начальник.

– Приятного аппетита, Михаил Брониславич…

– Я уже поел.

– Тогда приятного переваривания, или что там у вас дальше по программе, я собственно, как раз по поводу планов посоветоваться зашла. – Я не позволила лишить меня морального преимущества.

Голодный и злой человек всегда возьмет верх над сытым и добрым!

– Вломилась, – брюзгливо поправил Бронич.

– Явилась с докладом, – по-своему сформулировала я.

И вытянулась во фрунт:

– Во исполнение поступившего распоряжения о стремительной эволюции двух креативных сотрудников вверенного вам рекламного подразделения в популярных фуд-блогеров…

– Вольно, – досадливо махнул салфеткой шеф. – Скажи мне попросту, что у тебя?

– У меня острый приступ трудового энтузиазма! – доложила я, щелкнув каблучками. – Сегодня в ресторане «У озера» пройдет специальная дегустация для журналистов и блогеров, мы с Трошкиной персонально приглашены, разрешите досрочно отбыть из офиса для продолжения профессионального роста?

– Машинку не дам, у нас и так перерасход на бензинчик, – заволновался Бронич, услышав про озеро – ведь оно на окраине города.

– Не надо машинку, нас Макс Смеловский отвезет. – Я поняла, что принципиальное согласие начальства получено.

– Вот и чудненько, приветик Максиму Петровичу. – Шеф расслабился и показал в улыбке сахарные зубы.

Смеловский – влиятельная фигура в медийных кругах. Бронич его уважает даже больше, чем малиновый компот, и страстно мечтает однажды увидеть среди клиентов нашего агентства: у Макса очень аппетитный бюджет на интернет-продвижение.

Под хоровой стон коллег, которым было мучительно больно оттого, что некоторые тут уходят не только во внеплановый отпуск, но и среди дня – из офиса, мы с Трошкиной вылезли из своих окопчиков и поскакали к Максу.

Смеловский подогнал свой шикарный сверкающий кабриолет к самому крыльцу и предупредительно похлопал дверцами, усаживая меня на переднее пассажирское сиденье, а Алку – на заднее.

Из окон нашего офиса кирпичами выпало несколько тяжких завистливых вздохов. В кабинете шефа сверкнуло что-то белое – не то Бронич лысиной блеснул, не то помахал нам платочком.

– А что, дамы, кто-нибудь уже бывал в ресторане «У озера»? – плавно отчалив от крыльца, осведомился Макс. – А то я дорогу не знаю, придется ехать по навигатору.

… – Это не навигатор! Это нафигатор какой-то! – ярилась я часом позже. – Куда ты завез нас, Максим Сусанин?!

Щегольский кабриолет буксовал на заболоченном берегу водоема, сплошь покрытого неопрятной щетиной какой-то жесткой травы.

Смеловский, вцепившись в руль и свесив голову за борт, мрачно созерцал фонтанчик грязи из-под колес.

Я шумно возмущалась.

И только Трошкина сияла, как царевна Лебедь: она высмотрела на водяной глади какие-то редкие лилии, которых не было у городских флористов, и теперь с удовольствием сочиняла себе новый букет невесты.

Рыча, точно злой пес, кабриолет разрывал сырую глину. Наконец под задние колеса удачно подвернулась какая-то коряга – выглаженная временем и твердая, как бивень мамонта, и машина выползла на дорогу.

Не надо было с нее съезжать, конечно, но кто же знал, что так получится? С дороги щетинистое озеро выглядело очень симпатично, и мне приспичило сделать пасторальное фото в камышах…

– Маршрут построен! – не скрывая облегчения, радостно возвестил навигатор. – Через триста метров поверните налево…

– Надеюсь, там еще не все съели, – пробормотал Смеловский, ускоряясь.

Будучи за рулем, он не собирался пить вино, но твердо рассчитывал на разнообразные изысканные закуски.

– Мы приедем последними, – напророчила я – и не ошиблась.

За столом, накрытым в белокаменной беседке на высоком озерном берегу, осталось только два пустых стула, да и те не рядом. Мы с Алкой мышками шмыгнули на свободные места, а Смеловскому организаторы притаранили неформатный табурет. Сидя на нем, Макс возвышался над присутствующими и

нарушал тщательно выстроенную композицию: до нашего появления ее центром был сомелье.

Он как раз интригующе возвестил:

– Теперь второй нос! – и я заподозрила, что некоторые уже надегустировались так, что у них двоится в глазах.

Но оказалось, что вторым носом знатоки называют фактически второй понюх. То есть вино надо было пообонять, потом покрутить бокал в руке и снова вдумчиво понюхать взволнованный напиток, дабы ощутить ароматы, которые откроются. Не всем, конечно. Мне вот, если честно, ничего не открылось.

– Ну-у-у-у? Ощутили изысканную нотку черных ягод? – с надеждой вопросил сомелье.

– Бузины, что ли? – ляпнула темная, как те ягоды, я, и все посмотрели на меня с превосходством, а сомелье еще и с жалостью, как на ущербную.

Я огорчилась и в утешение себе сгребла в свою тарелку все вкусные орехи.

– А теперь гасконское! – объявил сомелье, заламывая воображаемую шляпу и пока-пока-покачивая перьями на ней.

Гасконское пошло, как мушкетеры на парад – красиво и четко. Знатоки погрузились в обсуждение послевкусия. Я под шумок утянула себе плошку с инжировым вареньем и булку. С учетом отсутствия обеда они сочетались друг с другом и со мной неимоверно гармонично.

Рейнское вино, поданное следующим номером, возлегло на булку с вареньем, как принцесса на перину без горошины.

Жить стало заметно лучше и значительно веселей.

Потом мы дегустировали калифорнийское, чилийское, новозеландское и грузинское. Сомелье рассказывал много интересного и условно полезного. Например, что такое-то вино надо не просто пить, а как бы жевать, иначе вкус

не тот. Жевать вино у меня лично не получилось, но сам процесс в исполнении искушенных коллег чрезвычайно порадовал – такие смешные гримасы не в каждой комнате смеха увидишь! А вкус вина мне приглянулся. И цвет. И запах. Хотя «свойственную дорогим винам нотку скотного двора» я вообще-то не уловила, да и слава Бахусу!

Зато я заметила выразительную жестикуляцию Трошкиной, которая сидела от меня слишком далеко, чтобы нормально переговариваться, а не семафорить друг другу. Талантливо исполнив мимический этюд «Пойдем, выйдем!», Алка выбралась из-за стола и, оглядываясь на меня, потрусила к основному зданию ресторана.

– Ты вроде уже бегала в дамскую комнату? – догнав подружку, спросила я. – В чем дело? У тебя от вина расстроился желудок, и теперь нужен верный оруженосец, чтобы организовать бесперебойную подачу в кабинку туалетной бумаги?

– Ничего подобного, я просто хочу тебе кое-что показать.

– В туалете? – Я несколько шокировалась.

Последний раз мне в туалете что-то показывали в старшей группе детского сада.

– Помолчи и посмотри! – Трошкина подвела меня к деревянной решетчатой панели, отгораживающей уютный закуточек в углу зала.

От главного входа он был дальним, а от двери, ведущей со стороны беседки, оказался ближним и помещался как раз напротив туалета. Тут было темновато, в полумраке я не доглядела и едва не сбила, как кегли, какие-то бутылки. Выстроенные в колонну по три, они тянулись вдоль стены коридора с заходом в зал.

– Что за хрень?!

– Тихо! – шикнула на меня Алка и прищурилась на этикетки. – Это не хрень, это… Не знаю, что это.

– Эр Эс Эр Эс. – Я озвучила странно кривенькие латинские буквы. – Что бы это значило?

– Да какая разница? Какое-то пафосное пойло. Ты в дырочку-то посмотри!

Я послушно заглянула в просвет решетки и увидела мягкие диванчики, а на них – нашу Зару Рафаэловну и какого-то мужика. Между ними был стол, на котором гордо высились винная бутылка и пара бокалов, каковой натюрморт сам по себе уже выдавал неформальный характер встречи. Чтоб мы уж вовсе не сомневались, кавалер держал холеную лапку Заразы в своих руках, методично полируя костлявую конечность дамы в промежутке между кольцами от Булгари и часиками от Картье.

К сожалению, разглядеть лицо мужчины не было никакой возможности – он сидел к решетке и к нам с Алкой спиной.

Я было подумала закричать: «Пожар! Горим!» – чтобы Зарин кавалер обернулся, а лучше даже подпрыгнул и побежал – тогда мы рассмотрели бы и его лицо, и фигуру, и одежду, и даже походку. Но дама в случае активного шухера тоже не усидела бы на месте, а мне не хотелось, чтобы она увидела нас с Алкой. Незачем Заразе знать, к кому потом применять санкции за разглашение информации о ее личной жизни.

Пришлось удовольствоваться малым. Теперь мы знали, что у Заразиного кавалера широкие плечи и темные волосы, подстриженные а-ля канадский лесоруб – это когда затылок лысый, а макушка объемная, как у петуха породы «испанская голошейная». На затылке, точно во впадинке у основания черепа, краснела крупная красная родинка, до смешного похожая на кнопку.

– Так вот где у него кнопка, Урри! – пробормотала я.

Трошкина узнала цитату из фильма про Электроника, хихикнула и потянула меня за пояс джинсов, оттаскивая от решетки.

Мы вернулись в беседку к шапочному разбору. Сомелье уже закруглялся, анонсируя следующую дегустацию, в ходе которой гостей предполагалось познакомить с виноградным дистиллятом.

– О, это очень крепкие напитки, мы на эту дегустацию не пойдем, – решила за нас обеих Трошкина.

Смеловский сначала дулся, недовольный тем, что его затея с романтическим свиданием, хитро замаскированным под специальную дегустацию, позорно провалилась, но потом утешился моим обещанием позвать его на ужин в кругу семьи.

Макс никогда не упускает случая заглянуть к нам в гости, потому что мамуля его обожает и по собственной шкале потенциальной ценности женихов котирует гораздо выше, чем Кулебякина. Причем свой рейтинг она не стесняется публично озвучивать. А еще у нас всегда вкусно кормят.

Впечатлив старушек на лавочке и детей на площадке роскошным экипажем, Макс высадил нас с Алкой у подъезда, и мы пошли домой.

Сначала – к Трошкиной, потому что она живет двумя этажами ниже, чем я.

Нам хотелось поболтать – с типично женской дотошностью обсудить Заразу и ее кавалера, а в присутствии Макса это было делать неловко.

Но у Алки в доме тоже нашлась пара огорчительно чутких мужских ушей – у барной стойки возился Зяма.

– Привет, любимая! Ты вовремя, я сделал нам по мохито, – сообщил он, оглянувшись на стук двери и с несколько избыточным энтузиазмом помахав любимой веточкой мяты.

Так участники первомайской демонстрации, держа равнение на трибуну, взвихряют воздух флажками и синюшными вениками из полураспустившейся сирени.

Трошкина расплылась в улыбке и горделиво посмотрела на меня. Мол, видишь, как положительно я влияю на твоего непутевого брата? Ты гляди, гляди, как он похвально одомашивается!

Я одобрительно кивнула. В самом деле, хорошо, что гены папы-кулинара не пропали! Будет кому в старости подать мне стакан воды. Или хотя бы мохито, это даже лучше. Сама-то я готовить не умею и не люблю, так что при одной мысли о том, чтобы встать к плите, у меня напрочь отнимаются руки, ноги и вкусовые пупырышки.

– «По мохито» или «по мохите»? – повторил меж тем Зяма, в котором не погибли и гены мамы-филолога.

– «Помохите» – это хорошо, это как крик истомленной жаждой души с легким кубанским акцентом, – оценила я.

Разнообразно одаренный братец срубил фишку без замаха, на лету: пританцовывая и простирая руки, он надрывно запел с интонациями героини Светланы Светличной из «Бриллиантовой руки»:

– По мохите! По мохите!

Вечер сделался томным. Я поняла, что чужая на этом празднике жизни, и ушла к себе.

Больше ничего интересного в этот день не случилось.

Среда

Зато следующий день начался необычно и эффектно – со звонка взбудораженного Смеловского.

– Ну, спасибо тебе, Инка, удружила! – выдал он, даже не поздоровавшись. – По твоей милости я полночи провел в полицейских застенках!

– В смысле? – Я села в постели, нашла ногами тапочки и поплелась на кухню, свободной от мобильника рукой нащупывая стену рядом.

Без путеводной стены я бы не дошла с закрытыми глазами до кофеварки, а без кофе не могла поднять веки.

– В смысле, все беды от вас, милых дам! Не зря в народе говорят: чтобы найти корень зла, шерше ля фам!

– Поклеп и напраслина. – Я на секунду приоткрыла один глаз, оживила кофеварку и опустилась на кухонный диванчик. – Не припутывай ко мне лично какие-то общенародные корни и расскажи толком, в чем дело.

– Вчера вечером сидел я дома, и вдруг – дзи-и-и-инь! – звонок в дверь! – виртуозно играя голосом, с чувством поведал Макс. – Я открываю, а там – оп-ля! – суровые служивые люди!

Я поудобнее устроилась на диванчике, слушая аудиоспектакль в телефонной трубке.

– Вы, говорят они, Максим Петрович Смеловский, руководитель креативной дирекции телеканала «Южный»? Ну, предположим, отвечаю я, а почему вы-таки интересуетесь? – Смеловский заговорил, как классический еврей из анекдота. – А пройдемте-ка с нами в одно интересное место для важного разговора, говорят они и решительно меня поторапливают, не позволяя даже достойно одеться для званого выхода. Пришлось идти в футболке и трениках!

– Поделись этим с Зямой, он точно оценит твои страдания по поводу несоответствия наряда поводу, – посоветовала я. – А мне попроще и покороче, пожалуйста!

– Короче, привезли меня в один такой кабинет и долго расспрашивали, что я делал вчера во второй половине дня в Нечаевской балке.

– А это где?

– А это там, где ночью хуторские пацаны, ловившие раков, нашли свежий труп гражданина Загадина Альберта Тимофеевича, одна тысяча девятьсот семьдесят седьмого года рождения, проживающего фиг знает где в режиме относительно комфортного кочевого бомжевания!

– А это кто?

– Ты издеваешься? – Максим рассердился. – Что еще мне тебе рассказать о гражданине Загадине? Я его ни разу в жизни не видел!

– А тогда почему по поводу его трупа вопросы возникли к тебе? Это как-то странно. – Я старалась говорить спокойно, чтобы не взволновать собеседника пуще прежнего.

– Да, это было бы странно, если бы рядом со свежими отпечатками протекторов моей машины у того самого озера не валялась моя визитная карточка!

– Ой. – Я поняла суть претензии Смеловского ко мне.

Вчера, когда мы съехали к щетинистому водоему, чтобы я сделала фото в камышах, до этих самых камышей я даже не добралась, потому что на первом же шаге глубоко увязла в рыжей глине. Естественно, я тут же плюхнулась обратно на сиденье и потребовала от владельца автомобиля немедленно выдать мне что-нибудь для срочного обезглинивания испачканной туфли. С учетом толщины грязевого слоя по всей длине трехдюймового каблука, лучше всего подошел бы штукатурный шпатель, но и плотная картонка, которую дал мне Макс, кое-как сгодилась. Безобразно грязную картонку я, разумеется, там же и выбросила.

А это, стало быть, не простая картонка была… Это была визитка!

– И что? Эти идиоты решили, что это ты убил бомжа Загадина и, как последний дурак, оставил на месте преступления свою визитку?! – Я поспешила перевести стрелки на полицию.

Им к претензиям честных граждан не привыкать.

– Слава богу, нет! – Судя по экспрессии, Смеловский энергично перекрестился. – Об убийстве никто не заикался, Загадин был пьян, как сапожник. Предположительно, тоже раков добывать полез, запутался в траве – там дно заросшее – и утонул. Но меня все-таки обстоятельно допросили на предмет того, не видел ли я, неизвестно зачем сидя в этой самой Нечаевской балке,

гражданина, который по макушку залился грузинской чачей и отправился в заплыв.

– Почему именно чачей?

– Потому что у воды пустая бутылка валялась. Литровая! Ежу понятно, что после такой дозы и слон бы утонул, а они еще у меня что-то спрашивают!

– Бедненький Максик, – пожалела я друга. – Натерпелся от злобных полицейских дядек!

– Из-за тебя! – напомнил Смеловский. – Так что с тебя теперь причитается мне какой-нибудь качественный антистресс!

– Ладно, я подумаю, что бы такого тебе сделать приятного, – пообещала я, только чтобы нытик отвязался.

Кофеварка уже сотворила для меня большую утреннюю порцию элексира жизни.

Обнадеженный Макс отключился, и мое утро вошло в правильную колею.

День, как обычно, был прочно занят работой, а вечер – хлопотливыми финальными приготовлениями к свадьбе Алки и Зямы.

Четверг

Зяма и Трошкина (теперь уже Кузнецова, хотя документы ей еще предстояло менять) благополучно расписались и улетели в столицу Грузии. Я и Зямин приятель, выступавший в роли свидетеля со стороны жениха, проводили их в аэропорт и нащелкали милых фоток на память.

Молодые чудесно смотрелись – экс-Трошкина в элегантном белом платье, как Одри Хепберн в «Завтраке у Тиффани», Зяма в белых же штанах и расстегнутой по причине жары льняной рубашке, с убранными в гладкий хвост волосами, как

тот роскошный голливудский мужик, который играет Тора, только без молота.

Картину несколько портила трехлитровая банка с медом, которую новобрачным в последний момент всучила примчавшаяся в аэропорт Зараза Рафаэловна.

Причем не в подарок всучила, а в нагрузку, с просьбой передать каким-то ее друзьям в Тбилиси.

– Что, в Грузии своего меда нет? – Я возмутилась столь бесцеремонной эксплуатацией.

– Такого нет, – заявила Зараза. – Этот мед собран на экологически чистых полях элитных сортов подсолнечника и обладает особыми целебными свойствами. Его и у нас на Кубани-то днем с огнем не найдешь, а уж в Грузии ему и вовсе неоткуда взяться.

Банка и впрямь была украшена цветастой этикеткой с изображением лохматых подсолнухов и надписью «Мед кубанский элитный».

– Липовый он, а не элитный, – сказала я из чистой вредности. – И явно прошлогодний к тому же – смотрите, как загустел. Его можно было не в банке, а брикетом в целлофане везти, тогда и вес был бы меньше, и никакого риска разбить посудину.

– Это было бы непрезентабельно, – скривилась Зараза.

Я скептически посмотрела на предмет беседы.

Для пущей презентабельности, и, вероятно, заодно для защиты от повреждений, ценный груз уложили в плетушку из ивовых прутьев, щедро заполнив пустоты между банкой и стенками корзинки амортизирующими семечками все того же подсолнечника. Сверху все это аутентичное кубанское великолепие было обмотано прозрачным целлофаном, зафиксированным пышным бантом из кумачовой ленты.

Целлофан громко, радостно хрустел.

Физиономия Зямы, вынужденного влачить сей дивный сувенир, выражала отвращение в смеси с тоскливой покорностью судьбе. С молотом Тора братец смотрелся бы более органично.

Однако отказать молодой жене, малодушно ответившей согласием на просьбу наглой коллеги, Зяма не мог и теперь мучительно страдал от болезненного ущемления чувства прекрасного.

А Трошкина, которая фактически уже Кузнецова, даже не взяла с Заразы гонорар за доставку!

– Это твоя ошибка, Алка, – попеняла ей я, потому что Зяма в такой день упрекать молодую супругу не мог, хотя явно был со мной солидарен. – Ты же теперь хранительница семейного очага и бюджета, как же можно было проявить такое неуместное бескорыстие? И по отношению к кому – к Заразе!

– Я больше так не буду, – потупившись, прошептала подружка.

И Зяма, конечно, тут же сказал, что ему совсем не трудно отнести корзинку в самолет, а всего через полтора часа вынести ее оттуда.

Забрать передачку медолюбивые друзья Заразы должны были прямо в аэропорту Тбилиси.

Мы с молодыми условились держать связь по скайпу – беспроводной Интернет у них в отеле был, а подключать роуминг на телефоны ребята не захотели из соображений экономии.

А поздним вечером того же дня на скайп, как уговаривались, мне позвонила рыдающая Алка.

– Зя-а-а-ама пропал! – проревела она, размазывая по лицу несущественные остатки праздничного макияжа.

– В каком смысле – пропал? – уточнила я, подавив всплеск паники.

Воображение схематично, в стилистике комикса, нарисовало несколько картинок:

1. Зяма, танцующий лезгинку с волоокой чернокосой девой в национальном костюме;

2. Зяма, присевший под тяжестью гигантского коровьего рога с вином;

3. Зяма, стремительно улепетывающий обратно в аэропорт с истошным криком: «Хорошее дело браком не назовут!»

– Не знаю я, как он пропал! – провыла Трошкина.

Называть ее Кузнецовой я еще не привыкла, а теперь даже сомневалась, что надо привыкать.

– Три часа назад он вышел купить хачапури и местного вина – и не верну-у-у-улся!

– И не позвонил?

– Мы же роуминг не подключили, – напомнила Алка.

– Так подключи срочно, – потребовала я. – У тебя же есть Интернет, зайди на сайт компании сотовой связи и подключи. Нужно позвонить в полицию и в посольство.

– А он не велел беспоко-о-оиться!

– Кто не велел? Зяма? А как же он это не велел, если даже не звонил? Или он заранее предупредил тебя, что собирается пропасть? – Я уже ничего не понимала.

– Он мне записку прислал!

– Давно?

– Только что!

– Как прислал?

– С каким-то мальчиком. – Алка всхлипнула. – Мальчик грузинский, по-русски не понимает, записку отдал и удра-а-а-ал!

– Да не реви ты! Что в записке? Она точно от Зямы?

– То-о-очно! В записке вот что: «Немного задержусь, не беспокойся. Твой пупсик».

– С ума он сошел, что ли? – пробормотала я.

Это ж каким надо быть… пупсиком, чтобы оставить молодую жену в первую брачную ночь?!

Может, Трошкина что-то не так поняла?

– Покажи мне записку, – потребовала я.

Зареванная физиономия подружки пропала с экрана, камера планшета сдвинулась и наехала на бумажку на столе.

Я прочитала короткий текст и вздрогнула: вместо подписи там стояли две буквы – ТП.

Зяма – Темный Повелитель?!

Или жертва Темного Повелителя?!

– Тут написано – «Тэ Пэ»! – сказала я вслух.

– Ну, да, Тэ Пэ, это у нас сокращенное «Твой Пупсик», – уверенно заявила Алка.

Видимо, им с Зямой уже случалось обмениваться записками на холодильнике.

Я немного подумала и решила:

– Сейчас мы сделаем вот что: ты успокоишься и ляжешь спать, потому что утро вечера мудренее. А я куплю себе билет на ближайший рейс в Тбилиси и завтра уже буду у тебя. Вместе мы обязательно разберемся, куда там Зяма пропал и как его вернуть.

– Ты прилетишь? Правда? Инка, ты настоящий друг! – обрадовалась Трошкина.

– Друг, товарищ и сестра, – пробормотала я, уже прикидывая, что мне нужно успеть сделать до отъезда.

Какое счастье, что мне, как и Алке, дали отпуск!

Я купила в Инете билет на самолет и собрала чемодан.

Приготовила удобный и симпатичный наряд для поездки – болотного цвета шелковый комбинезон с широким длинным кушаком, который можно было завязать пышным бантом или обернуть вокруг моей тонкой талии несколько раз, оставив концы свободно болтаться, желтые кеды и красную бандану. То есть вообще-то это был такой шикарный платок из натурального шелка хитрой окраски – с лицевой стороны алый, а с изнанки синий. Мне его Зяма подарил, у него есть друзья, которые работают в области моды и продвигают в массы разные креативные новинки.

Обычно я не одобряю стиль, которого придерживается мой пижонистый братец, поскольку не люблю вычурности, но двусторонний платок оказался на редкость многофункциональным аксессуаром.

По прилете в Тбилиси, если там будет прохладно, я планировала переформатировать бандану в палантин.

Укомплектовав походный гардероб, я позвонила Жану и предупредила его, что завтра улетаю в Тбилиси, поэтому посты в своем новом блоге буду делать преимущественно о грузинской кухне, так что пусть уже заранее подбирает подходящие картинки и готовится обрабатывать мои любительские фотки.

А Кулебякину я ничего не сказала.

Пусть помучается!

Папа мне не раз уже говорил, что грузинские мужчины очень ценят женскую красоту и особенно любят блондинок.

Я решила, что буду фотографировать каждого грузина, который упадет к моим ногам, и пусть Кулебякин искусает себе локти и вообще все, до чего дотянется!

Перед ужином я выкроила время и прочитала на туристическом портале статью «Самое-самое в Грузии». Из нее я узнала, что наиболее распространенные грузинские имена – Георгий, Давид и Зураб, а фамилии – Беридзе, Капанадзе и Гелашвили; главное национальное блюдо – хинкали, достопримечательность номер один – крепость Нарикала, самые популярные сувениры – рог для вина и серебро минанкари, а мега-крутой ресторан расположен на горе Мтацминда, откуда открывается непревзойденный вид на столицу.

Эту информацию я собиралась использовать для охмурения родственников, которым надо было убедительно аргументировать мой внезапный порыв умчать в Тбилиси. Не рассказывать же им, что Зяма пропал! После такого сообщения широкомасштабного военного наступления Кузнецовых на Грузию будет не избежать!

На ужин было заливное на петушином бульоне со свиными ножками, поданное с клюквенным соусом и домашним хреном, настолько ядреным, что даже закаленная бабуля прослезилась.

– Да-а-а, хрен в нашем доме хоть куда! – двусмысленно восхитилась она, вынудив мамулю покраснеть, а папулю закашляться.

Я решила, что это подходящий момент, чтобы сменить тему. Плавно вырулить на Грузию со свиных ножек у меня как-то не вышло.

– А Зяма с Алкой были в самом лучшем ресторане Тбилиси на горе Мтацминда, откуда открывается потрясающий вид на столицу Грузии! – сообщила я оживленно.

– Что ели? – тут же поинтересовался папуля.

Я задавила внутренний голос с репликой Алисы Фрейндлих из «Служебного романа» («Цыплята табака… сациви… купаты… шаш-шш-шлы?ки… чебуреки…») и выдала домашнюю заготовку:

– Хинкали. А вы знаете, что это блюдо называют «королем грузинской кухни» и готовят с начинками из баранины, говядины, грибов, овощей – вариантов около сотни?

– Как интересно! – Папуля заслушался.

– Вот и мне очень, очень интересно! – Я показательно вздохнула. – Ах, как хочется тоже попробовать эти хинкали… Да и цыплята табака… сациви… купаты… шаш-шш-шлы?ки… чебуреки…

– Вкусная еда – это не самое главное, – авторитетно сказала бабуля, в которой явно проснулся педагог. – В Тбилиси обязательно и непременно нужно посетить могилу Грибоедова и лермонтовские места, поклониться великому Шота Руставели…

– Он же умер уже, – ляпнула я.

– Это не повод ему не поклониться! – строго сказала мамуля, которая в своем собственном творчестве отнюдь не дискриминирует неживых. – Вот я бы при случае обязательно возложила цветы к памятнику знаменитому грузинскому коллеге.

– Шота Руставели вроде ужастики не писал, – снова ляпнула я, досадуя, что мне мешают создавать яркий образ восторженной дурочки.

Она у меня какая-то не восторженная получалась.

– Руставели не писал ужастики, да ладно? – Наша писательница завелась. – А вот представь: гуляешь ты мирно на лоне грузинской природы с чебуреком в руке, а навстречу тебе бородатый качок, одетый в одну звериную шкуру, с суровым взором и зазубренным мечом! Как, не страшно?

– Убедила, – кивнула я, торопясь вернуть разговор в нужное русло. – О грузинской природе, кстати, Алка тоже в самых восторженных выражениях рассказывает, а еще ей очень понравились уникальные серебряные украшения в старинной грузинской технике минанкари. Зяма же в абсолютном восторге от рогов для вина…

Тут я выдохнула, сознавая, что скудный запас моих знаний практически закончился. В неликвидах остались еще типичные грузинские мужчины Георгий Берадзе и Давид Капанадзе, но как их цензурно приплести к рассказу о невинных развлечениях молодоженов, я не придумала.

К счастью, предки уже в достаточной степени впечатлились – это было понятно по тому, как мечтательно затуманились их взоры.

– Короче, я решила тоже слетать в Тбилиси и отправляюсь туда прямо завтра, – выдала я главное.

– Отличная идея, Дюша! – сказала бабуля.

– В самом деле, у тебя же отпуск, – поддержала меня мамуля.

– А как же Денис? – спросил папуля.

– А у Дениса нет ни отпуска, ни желания попутешествовать, – отговорилась я и встала из-за стола. – Спасибо, все было очень вкусно, пойду собирать чемодан. У меня самолет рано утром.

Я без оглядки убежала к себе и потому не услышала, как папуля задумчиво молвил:

– Сто рецептов фарша для хинкали, ничего себе, а?

– Серебро мининкари, – вздохнула мамуля.

– Могила Грибоедова и лермонтовские места, – напомнила бабуля. – Вот интересно, а билеты на самолет дорогие?

Пятница

– Не возьму! – сказала я и спрятала руки за спину.

Они у меня уже были свободны – свой чемодан я сдала в багаж, а дамскую сумку с документами, деньгами и разной нужной мелочью повесила на ремешке через грудь.

– Инна, не смей меня разочаровывать, – грозно нахмурилась Зара Рафаэловна.

Жаник, балбес, проболтался в офисе, что я лечу в Тбилиси, и Зараза примчалась в аэропорт с очередной банкой чудодейственного меда для дорогих грузинских друзей.

– Куда им столько? У них все слипнется! – отбивалась я, с ужасом глядя на корзину.

Она совершенно не подходила к моему образу современной молодой женщины, стильной, любознательной и легкой на подъем. И особенно не подходила к алой бандане.

Да я буду выглядеть, как красная пролетарская шапочка, везущая гуманитарные харчи голодающей бабуле в братскую Грузию!

– Не возьму.

Я демонстративно зевнула, показывая, что эти препирательства мне крайне скучны и ни капельки не интересны.

На самом деле мне действительно хотелось спать. Трепло Веник, торопясь разнести очередную сенсационную новость, разбудил меня телефонным звонком в два часа ночи и радостно, как будто нас с ним это как-то касалось, проорал:

– Кузнецова, победителю чемпионата по покеру таки дали миллион долларов!

– Завидую ему, – сказала я честно. – Надеюсь, у организаторов это были не последние деньги, и они заплатят скромный гонорар нашему рекламному агентству?

– А они еще не заплатили? – заволновался Веник.

– Кажется, нет, – ответила коварная я. – Позвони Заразе, спроси у нее.

Я посмотрела на Зару Рафаэловну, пытаясь по ее внешнему виду определить, перебил ли порывистый Веник ночной сон и ей тоже. Похоже, не перебил: Зараза выглядела свеженькой, как культивированный вирус.

– Нет, не возьму я ваш мед, – сказала я.

– Почему?

– Потому что его сделали неправильные пчелы, – просуфлировал мне внутренний голос.

Зараза посмотрела на меня, как злобный мальчик на корчащегося под его ногой червяка – без всякой жалости и с отстраненным интересом: сколько, мол, еще это ничтожное существо продержится?

– Ни за что не возьму! – повторила я.

– Совсем-совсем ни за что? – ушлая Зараза сменила тактику. – А за сто долларов?

– За сто долларов?

Я посмотрела на корзину, срочно производя ее переоценку.

Вообще-то ручная кладь в экостиле – это даже модно. А бант по цвету гармонирует с моим головным убором.

И все же…

– Нет, за сто долларов не возьму, – решила я. – За сто пятьдесят, так и быть, согласна.

Зараза, что удивительно, не стала торговаться. Наоборот, даже снизошла до похвалы:

– Растешь в моих глазах!

И она тут же отдала мне баксы, которые явно приготовила заранее.

Знает меня, понимает, что я не безропотная Трошкина и за спасибо почтовым голубем-тяжеловозом работать не стану!

Оделив меня денежками, Зара Рафаэловна кому-то позвонила и деловито отчиталась:

– Я все устроила, мед к вам летит, встречайте. Девушку зовут Инна Кузнецова, она высокая фигуристая блондинка с длинными волосами, в руке у нее корзинка, на голове красная шапочка.

– Бандана, – поправила я, но Зараза меня не услышала.

Я спрятала в сумочку выданные мне доллары, взяла корзинку и пошла на досмотр.

Полет прошел спокойно и не без приятности.

Правда, меня разочаровало бортовое питание – пассажирам предложили только сок, тогда как я рассчитывала хотя бы на горячий кофе с печенькой. Перед отлетом, торопясь и нервничая, я не позавтракала, и желудок, привыкший к регулярному трехразовому питанию в папулином фирменном стиле «От пуза», выражал недовольство суровым бурчанием.

– Лучше переспать, чем недоесть, – с намеком подсказал мне внутренний голос.

Но я знала, что не усну в самолете.

Чтобы успокоиться и расслабиться, я расстегнула привязной ремень, развязала декоративный кушак комбинезона и провела небольшую приятную СПА-процедуру.

Заботливая бабуля перед отлетом преподнесла мне подарочек – какую-то необыкновенную головную щетку с резервуаром, наполненным травяным отваром на термальной воде. С виду-то это была щетка как щетка, но зубцы, торчащие из ее пухлого резинового пузика, на самом деле являлись полыми трубочками, по которым при надавливании на щетку прямо к коже головы поступал полезный отвар.

– Я знаю, Дюша, ты всегда нервничаешь в самолетах, – сказала мне родная старушка. – Так вот, как только почувствуешь, что у тебя разболелась голова или просто повысилась тревожность, сразу же бери эту щетку и причесывайся минут пятнадцать, а лучше полчаса, и все пройдет. Массаж улучшит кровообращение и снимет мышечные спазмы, а отвар подпитает корни волос. Обещаю тебе, ты свои волосы просто не узнаешь!

– И откуда же такое диво дивное? – спросила я, повертев в руках чудо-щетку.

– Из интернет-магазина, вестимо! – ответила продвинутая бабуля. – Я заказала сразу три штуки, одной сама уже пользуюсь и очень, очень довольна!

Не верить бабушке оснований не было – она человек чести и никогда не врет, хотя запросто может схитрить.

Правда, та же бабуля, в свое время настойчиво прививая мне хорошие манеры и знание этикета, утверждала, что причесываться на глазах у других людей неприлично, но я решила, что данный конкретный случай можно считать исключением.

Во-первых, никто на меня не смотрел, потому что мой сосед по ряду – пацан лет десяти – самозабвенно рубился в игру на смартфоне, а его папочка похрапывал.

А во-вторых, я же сидела у иллюминатора, а девица, причесывающая у окошка русу косу до пояса – это же классика родного фольклора! Можно сказать, обычай, освященный веками!

Чесалась я долго, вдумчиво, любуясь волнистыми облаками и постепенно успокаиваясь.

Полностью расслабиться мешал только пассажир, сидящий позади меня: сначала он беспокойно возился, толкая мое кресло коленками, а ближе к концу полета начал невнятно бормотать. Слова звучали неразборчиво, но интонация была отчетливо тревожная, и я подумала, что мне грех жаловаться на авиафобию, у меня она крайне слабо выражена. Человек вот с полчаса уже молитвы бормочет, как заведенный, и никак не успокоится! Наверное, истово верит в дурные приметы, а место-то у него в тринадцатом ряду…

Трошкина, которая в свое время работала в психоневрологическом диспансере, много чего интересного рассказывала о тамошних обитателях, и от нее я узнала, что даже есть такая болезнь – трискаидекафобия. Это паталогическая боязнь тринадцатого числа.

Некоторые авиакомпании, чтобы не нервировать пассажиров, исключают № 13 из нумерации кресел, но в Боинге-737, которым мы летели, 13 ряд имелся. Я заранее регистрировалась на свой рейс, изучила вопрос и поэтому знала, что это места со своими плюсами и минусами. Плохи «тринадцатые» тем, что за ними находится вторая серия аварийных выходов, а потому спинки кресел не откидываются. Еще минус – запрещено загораживать проход ручной кладью, и на эти места не сажают инвалидов и пассажиров с детьми и животными. Зато в ряду не три кресла, как обычно, а всего два, плюс есть дополнительное место для ног. Для меня это важное преимущество, так что я бы взяла себе такое место… если бы не номер 13!

Ладно, признаюсь, я тоже немножко трискаидекафоб.

Вообще-то нас таких должно быть много, иначе билеты на места с роковым номером не разбирали бы самыми последними…

Наконец по бортовому радио объявили, что самолет начинает снижение, и я убрала чудо-щетку в сумку.

Мальчик рядом тоже спрятал смартфон и изволил обратить внимание на меня, спросив с неподдельным интересом:

– А вы кто? Секретный агент?

– Можно и так сказать, – сговорчиво согласилась я, поскольку тбилисская миссия моя для большей части прогрессивного человечества (за исключением одной только Трошкиной) и впрямь была жутко секретной.

Багаж я получила быстро, а вот гонца за медом ждала минут двадцать. Стояла, как было велено Заразой, на виду в центре зала, нетерпеливо притопывала ножкой и быстро теряла с трудом обретенное спокойствие.

Минут пять я держала дурацкую корзину в руках, потом устала и поставила ее на пол рядом с чемоданами каких-то других пассажиров.

Потом решила, что пасторальная корзинка с добротными кожаными чемоданами не гармонирует, и накрыла ее своим платком – синей стороной кверху, потому что яркий красный рядом с благородным кофейно-коричневым смотрелся бы вульгарно.

Желудок опять начал ворчать.

Дуэтом с ним я вслух ругала Зару Рафаэловну.

Уже разошлись, дождавшись своих клиентов, гостей или родственников, все встречавшие наш рейс – и те, что с табличками, и те, что с букетами. Даже того бормотавшего невротика-трискаидекафоба, который истово молился в самолете, увели какие-то крепкие строгие парни, похожие на переодетых в цивильное санитаров. А дружественные Заре Рафаэловне любители редкого кубанского меда все не появлялись, и через двадцать минут нервного перетаптывания я решила их больше не ждать.

В конце концов, если передачка Заразы им так нужна, пусть приезжают за ней ко мне в отель. А если не нужна – я свое дело выполнила, гостинец в тбилисский аэропорт имени Руставели доставила, остальное меня не волнует. Могу теперь вообще сама этот мед сожрать, жаль, сладкого не хочется.

Хотелось яичницы с сосиской и помидорами, кофе и тостов.

В обменнике на выходе из зоны прилета я поменяла доллары Заразы на грузинские лари и купила в автомате на остановке стаканчик американо.

Между делом убедилась, что папуля был прав, у местных мужчин и впрямь напрочь сносит голову от роскошных блондинок: рядом с микроавтобусом, в который неспешно усаживались красотки из белорусского танцевального ансамбля, мужик, похожий на охранника, картонкой с надписью «Минский сувенир» лупил по мордасам какого-то брюнетистого типа. А тот даже не отмахивался – отчаянно рвался за светловолосыми красотками, вот ведь чокнутый фанат!

Выпив кофе, я несколько взбодрилась и с чемоданом в одной руке и изящно задекорированной синим платочком корзинкой в другой села в свой автобус.

* * *

– Первый, это пятый! К курьеру никто не подошел! Повторяю: к курьеру никто не подошел! Курьер покидает место встречи, прикажете продолжать наблюдение? – прикрываясь ладошкой, пробормотал в уголок воротничка гражданин неприметной наружности.

– Продолжайте наблюдение, – распорядился воротничок, и неприметный гражданин успел запрыгнуть в отъезжающий автобус.

Спустя считаные минуты другой гражданин, тоже бывший бы неприметным, если бы не свежие ссадины на невыразительной физиономии, атаковал радиоузел аэровокзала, вах, умоляя и мамой прося озвучить жизненно важное объявление.

– Пассажира Инну Кузнецову, прибывшую из Екатеринодара, просят срочно подойти к информационному центру на первом этаже аэровокзала, – дважды повторило радио.

Но Инна Кузнецова объявления не услышала.

* * *

Трошкина заранее объяснила мне, на каком рейсе нужно ехать и где следует выходить. Она даже пообещала лично встретить меня у памятника Шоте Руставели.

Встретила, ага.

Плавно покачивающуюся фигурку в элегантном белом платьице я заметила издали. Она являла разительный контраст с водруженным на постамент суровым и непоколебимым мужчиной из темного камня.

– Гамарджоба, дорогая! – приветствовала я ее, как тут принято.

– Ага. А вы кто? – спросила в ответ подружка совсем как тот мальчик в самолете.

– Я твоя лучшая подруга и по совместительству сестра твоего мужа, – напомнила я и сняла темные очки.

– Ты изменилась, – заметила Алка.

– Само собой, я стала еще краше, – кивнула я. – Меня другое удивляет: ты пьяна!

Нетрезвая Трошкина – крайне редкое природное явление.

– Н-н-не-е-е…

– Какое – «не», определенно пьяна!

– Н-н-не-е-емножко, – договорила Алка, тряхнув пушистой челкой, как капризный пони.

Она попыталась показать это самое немножко жестом, но пальцы ее не слушались, образуя бессмысленную растопырку.

Язык, однако, у пьянчужки еще не сильно заплетался, да и логика ей не изменила:

– Что еще делать о-о-одинокой девушке в чужом городе, где так много хор-р-рошего вина и нет н-н-никого, кто мог бы удержать ее от пьянства?

Это явно был философский вопрос, и я промолчала. Тем более что у меня были сомнения, что я смогу и захочу удерживать одиноких девушек от пьянства. Скорее, наоборот.

– Ну, ты хотя бы успокоилась, – отметила я.

Трошкина снова кивнула:

– Йа-а…

– Ты переходишь на немецкий? Не надо, я его не знаю, – напомнила я.

– Йа-а внимательно рассмотрела записку. Почерк йа-авно Зямин, буквы ровные, н-нажим аккуратный. Н-не похоже, чтобы он н-нервничал, вот и йа-а н-не буду, – Алка дерзко икнула. – Хотя йа-а н-на всякий случай сходила с утра на плотину.

– На какую плотину?

Воображение нарисовало мне простоволосую Трошкину на высоком речном берегу. Она стояла над обрывом а-ля Катерина из пьесы «Гроза», и пьеса сия закончилась, как известно, самоубийственным прыжком героини в воду.

– Правильнее сказать, эт-то шлюз, он там. – Алка мотнула головой в напрасной попытке указать направление. – Н-ниже по течению реки, всего в паре остановок от нашего дома, оч-чень удач-чно. Там вода зам-медляется и, в-видимо, какие-то фильтры стоят, потому что н-аа поверхности скапливается разный мусор, пла-а-а…

– Плавает?

– Пла-астиковые бутылки, ветки и т-тому подобное!

– И ты смотрела, не плавает ли среди этого мусора тело Зямы? – охнула я. – Алка, тебе нужно попроситься в подмастерья к мамуле! Ты сможешь продолжить ее

дело по сочинению ужастиков.

– У меня пока н-нет уверенности, что я вправе претендовать н-на участие в фа-амильном бизнесе, – немного подумав, призналась Трошкина. – Поговорим о-об этом, если Зяма ко мне вернется.

– Не если, а когда, – поправила я, чтобы не дать подружке снова впасть в уныние.

Пьяная девушка в унынии – душераздирающее зрелище и социально опасное явление. Оно крайне заразно для других девушек, которые из трезвых и веселых быстро становятся пьяными и унылыми, едва проявят толику сочувствия и женской солидарности. Я подбадривала Трошкину, не желая стать жертвой той же инфекции.

По опыту зная, что от душевных страданий прекрасно отвлекают физические, я вручила Трошкиной увесистую и неудобную корзину с кубанским гостинцем, и Алкины пыхтение и сопение быстро трансформировались из невнятно горестных в конкретно матерные.

Это был решительный шаг на пути к выздоровлению: мало какие волшебные заклинания исполнены такой положительной энергетики, как русские народные ругательства. Но двигались мы медленно, потому что Трошкина часто останавливалась, чтобы передохнуть.

– Кузнецова, это Мтквари, – объявила она в одну из таких пауз.

– Мтквари, это Кузнецова, – подхватила я, оглядываясь в поисках неведомо кого. – А кто это – Мтквари?

– Что, а не кто, – поправила Алка. – Эт-то река. Вот она, прямо перед т-тобой, не видишь, что ли?

– Трошкина, не дури меня, – обиделась я. – Река в Тбилиси называется Кура, я это еще со школы знаю!

– По-русски Кура, а-а-а по-грузински Мтквари. – Подружка подхватила поставленную было корзину, крякнула уточкой и вперевалку побрела по мосту.

Мост был красивый, с чугунными перилами и позеленевшими от времени львами, которые радовали глаз горбатыми носами, завитыми усами и обильной кудрявой порослью на груди и животе. Я предположила, что их лепили с натуры – с местных мужчин.

Сразу за рекой высился высокий красивый дом в помпезном сталинском стиле – с колоннами, высоким крыльцом парадного подъезда, арочным проходом во двор и множеством мраморных досок на фасаде.

Трошкина уверенно двинулась в подворотню, а я остановилась посчитать и почитать памятные таблички. Посчитать получилось – их оказалось двенадцать, почитать – нет: все надписи были на грузинском. Кривульки незнакомых букв были очень красивыми и совершенно непонятными.

– Ты в то-очности как Зяма, – фыркнула Алка, обернувшись. – Он т-тоже первым делом завис у этих досок. Ми ми…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/logunova_elena/shershe-lya-farsh

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити